

Знамение» в Ховрине

журнал для тех, кто стремится к Истине

№ 3 (114) 2017 май — июнь

Тема номера: КАК ПОНИМАТЬ, ЧТО НЕТ ВЛАСТИ НЕ ОТ БОГА?

- Если тебе сделали добро помни. Если ты сделал – забудн
- Нины, на которых земля держится
- От всякого слова оправдаешься и от всякого слова осудишься

МИР ВОКРУГ НАС КАК ПОНИМАТЬ, <u>ЧТО НЕТ ВЛАСТИ НЕ ОТ БО</u>ГА? Вадим Рутковский Протоиерей Алексий Уминский – Павел Демидов Памятные адреса Властвуя, брать пример с Господа Бога 23 Александр Кабаков – Павел Демидов Ирина Корнилаева Не надо изобретать велосипед, 25 который давно существует Марина Назарчук 27 Валерий Березин Принимая Божие попущение, 11 СТРАНА СЛОВ Лариса Беляева Николай Беседин Анкета «Лампады». Скажите, пожалуйста... . . 12 Мария Магдалина 29 ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ Дмитрий Шеваров Анна Андреева 14 «Я за тебя молиться стану...» 32 «Старайтесь жить, как Бог даст» Наталия Прохорова Павел Демидов 33 Письма надежды, веры и любви 17 ИЗ ДНЕРШКА СЕЛЬСКОЙ МАТУШКИ Архивариус Храм Спиридона Тримифунтского Марина Назарчук 21 Праздник, в который не иссякнут слезы 36 37 ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ 38 22

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине

lampada-press.ru

Настоятель

протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор

Павел Демидов

Елена Трубецкая (подписка, распространение, реклама)

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Нина Орлова

Обложка: Кафедральный собор Успения Божией Матери в Омске Адрес редакции:

125414, г. Москва, ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101 +7 (963) 962-55-75

www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации ПИ № Φ C77-49478 от 24.04.2012 г. Выход в свет 06.05.2017 Цена свободная

Этот номер вышел заботами рабов Божиих Алексея и Александра. Храни их Господь Приход храма иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине, г. Москва

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы Сбербанк России г. Москвы ИНН 7712050269 р/с 40703810938080100250 БИК 044525225 к/с 301018104000000000225 КПП 774301001

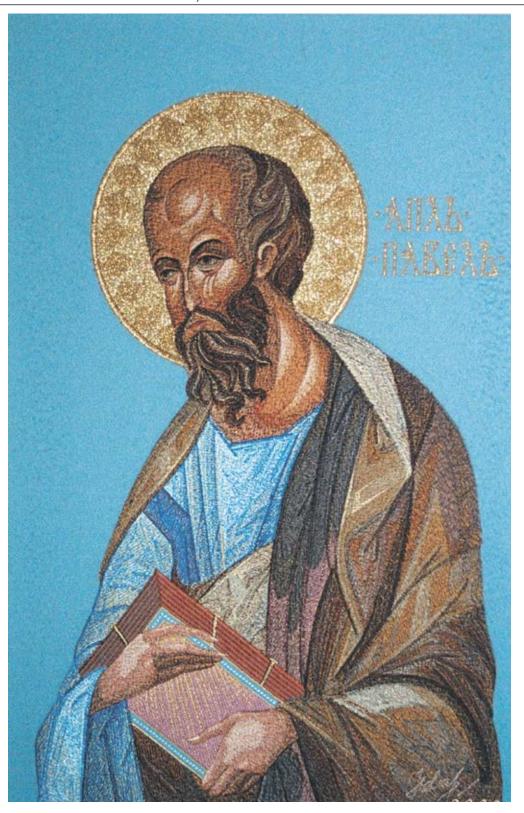
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат» 143200, Московская обл., г. Можайск, ул. Мира, 93

Контактный телефон:

+7 (495) 745-84-28 + 7(49638) 2-06-85

Тираж 1000 экз. Заказ № 930 © Лампада, 2017

Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь

похвалу от нее, ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести.

Послание апостола Павла к Римлянам, 13:1-5

Настоятель храма Живоначальной Троицы в Хохлах протоиерей Алексий Уминский: «Властвуя, брать пример с Господа Бога»

С ним беседует главный редактор «Лампады» Павел Демидов

- Как понимать, что всякая власть от Бога? Если дословно по апостолу Павлу – «нет власти не от Бога» (Рим. 13:1).

 Для начала хорошо бы определиться с тем, для чего она нужна и нужна ли. Власть - необходимое условие мирного существования людей, населяющих землю. Державный принцип власти - это принцип удерживающий (обратите внимание: держава и удерживать - слова одного корня), принцип, который не дает распространяться злу, или греху, в колоссальных размерах. Когда мы читаем Послание апостола Павла к Римлянам, что нет власти не от Бога, мы должны вспомнить время, в какое писались эти слова. Это было время власти римского цезаря Нерона, чье имя стало нарицательным. Он один из самых ужасающих правителей Римской империи. Казалось бы, его власть в глазах верующего еврея-христианина, к тому же римского гражданина, каким был Апостол, никак не могла быть от Бога, потому что она принадлежала человеку, который не только не почитал истинного Бога, но был еще крайне развращенным, патологически жестоким, можно сказать, совершенно лишенным нормального разума человеком. И апостол Петр, и апостол Павел пострадали от гонений Нерона, но тем не менее Апостол обращает к христианам эти слова... Не странно ли?

- В самом деле, странно.

- Но разве что на первый взгляд. Христианство, как совершенно новая религия, с исповеданием истинного Бога, конечно, отвергала все прежние формы почитания высших сил. А римский император, в частности Нерон, был провозглашен языческим богом. Почитать его в таком качестве христиане, конечно, не могли, за что их преследовали. Но ведь Апостол говорит о принципе власти, а не о ее носителе. От Бога принцип власти, но никак не тот или другой конкретный правитель.
- То есть речь идет о принципе устройства мира, об устроении власти, в частности, на земле.
- Совершенно верно. Тут нет никакой персонализации.
- Разумеется, этот принцип касается не только светской власти, но и духовной.

- Естественно. Русская Церковь, например, была в очень сложной ситуации во времена татарского ига: она молилась за ханов, которые были угнетателями и поработителями русской земли. Но Церковь признавала законное установление даже за этой властью. Мы помним, что Церковь молилась и за советскую власть. И хотя та была в основе своей безбожной, Церковь и ее признавала. В России Церковь молится за Путина. А на Украине – за Порошенко, хотя ситуация от противоестественного разделения братских народов фактически по окопной границе болезненно ощутима. Во Франции церковь молится за французского президента, в Бельгии – за бельгийского короля, а в Великобритании - за английскую королеву, в Америке - за президента Трампа. В литургии Иоанна Златоуста читается молитва о богохранимой стране нашей, властех и воинстве ея. Священник обращается к Богу со словами: «Даждь им, Господи, мирное правление, да и мы в тишине их тихое и безмолвное житие поживем, во всяком благочестии и чистоте». То же можно услышать в литургии Василия Великого: «Помяни, Господи, богохранимую страну нашу Российскую и власти и воинства ея, даруй нам глубокий и неотъемлемый мир, возглаголи в сердцах всех, иже во власти суть, благая о Церкви Твоея и всех людех Твоих, да в тишине их тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте». Церковь не молится за оправдание власти. Церковь молится о том, чтобы власть была мирной, разумной и благорасположенной к своему народу. И чтобы вразумлялась от Бога.

Это не сервильность?

- Это никакая не сервильность, потому что таков принцип устроения государства, о котором Апостол говорит, что не зря человек, олицетворяющий власть, носит меч: он призван стоять на страже законных установлений, являющихся для государства основными. Это - конституция, уголовные и гражданские права. И каким бы безбожным ни было государство, если оно легитимно и до тех пор, пока не заставляет своих граждан идти на очевидный грех, его будет признавать законным и Церковь. Потому что самое страшное, что может произойти, - это полное безвластие и разрушение всех законов, которые еще как-то сдерживают подверженную греху человеческую природу. Многие православные считают, что единственно приемлемая для нас форма власти - это православная монархия.

Православная монархия тоже не илеальна.

 Совершенно верно. Нет идеальной власти на земле. Всякая власть будет лишь меньшим злом, чем власть безвластия. И во всякой власти в той или иной степени будут так или иначе наличествовать несправедливости, явные перекосы и всякие несовершенства, потому что несовершенна сама человеческая природа. Но несмотря на это, человеческое общество всегда будет стремиться к улучшению государственных систем. Ведь разумно устроенное государство - с четким выполнением законов, с хорошо действующей конституцией, с широкими гражданскими правами, хорошо устроенной экономикой – неизбежно создает стабильную структуру жизни.

Но государство – это все же аппарат принуждения.

 А как вы бы хотели – чтобы государство баюкало уговорами? Такое государство не просуществует и недели. Человеку, облеченному властью, достается тяжелейший крест выбирать между двух

зол – большим и меньшим – применять прещения или наказания и казни. Именно поэтому вопрос государственной власти так болезненно стоял перед христианскими государями. Многие из них, например Константин Великий, не решались принять Святое Крещение до самой смерти: в их сознании не совмещались карающий меч и милующий крест. Хорошо известна история святого князя Владимира, нашего крестителя. Каким трудным для него был путь от языческого многобожия к Богу Единому, от жизни жестокой и нечистой к жизни покаянной! Свидетельствуя о милосердии и гостеприимстве великого Владимира, летописец повествует о чрезвычайной его кротости, ибо до такой степени смягчилось сердце его, что он даже щадил жизнь преступников и самых убийц наказывал только денежным штрафом, не почитая себя вправе лишать кого-либо жизни. Умножались от того разбои в земле Русской, так что наконец епископы должны были прийти к Владимиру и спросить его: «Для чего не казнишь злодеев?». Смиренно отвечал Владимир: «Боюсь греха». Но они сказали князю: «Ты поставлен от Бога на казнь злым, а добрым на милование; ты должен казнить разбойников, но испытав прежде вину их». И князь повиновался совету святительскому. Епископы и старшины градские побудили также Владимира в старческие годы его не полагаться на мир с окрестными властителями, польским и венгерским, но всегда иметь готовую рать, ибо только с оружием и с конями можно быть уверенным в мире.

Прямо целая программа жизни для правителя.

 История дает нам много ценных уроков. Византийский император Феодосий существенно отличался от своих предшественников тем, что был императоромхристианином, то есть к моменту вступления во власть был уже крещен. И вот какая история произошла в одной из провинций Римской империи. Разгорелся бунт. Смутьяны повергли и разрушили статую императора, что считалось государственным преступлением и оскорбляло религиозные чувства язычников. Император, сообразно закону, приговорил каждого десятого из этой области к смерти. Во время своей поездки на запад он решил посетить знаменитого медиоланского епископа Амвросия. Но тот не позволил Феодосию даже переступить порог храма. Он обличил императорахристианина в кровавом преступлении против людей и отлучил от церкви. Феодосий совершил публичное покаяние и полз на коленях через весь храм, чтобы получить отпущение грехов. Так что для верующего правителя применение меча — это огромная ответственность. И любая деспотия, любая тирания не может быть оправдана никакими успехами ни в правлении, ни в экономике.

– То есть любая власть всегда лучше безвластия. Нужно исходить из

– Любая власть лучше безвластия. Это общий принцип, вытекающий из формулы «нет власти не от Бога». Ошибочно думать, что при этом Церковь должна закрывать глаза на несправедливость, исходящую от власти, что она должна быть сервильной. Как и не значит, что должна подчиняться любой власти по всем параметрам. Церковь вообще свободна, ибо стоит на фундаменте Божественной власти. У нее есть право не соглашаться, критиковать, обращаться к власти со словами печалования о людях, которые подвергаются репрессиям и несправедливостям со стороны этой власти. Это, собственно, и заложено в природу Церкви. В Основах социальной концепции Русской Православной Церкви сказано: «Если власть принуждает православных верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным деяниям, Церковь должна отказать государству в повиновении. Христианин, следуя велению совести, может не исполнять повеления власти, понуждающие к тяжкому греху...».

Каким образом это возможно депать?

– Продолжим цитату: «...В случае невозможности повиновения государственным законам и распоряжениям власти со стороны церковной Полноты, церковное Священноначалие по должном рассмотрении вопроса может предпринять следующие действия: вступить в прямой диалог с властью по возникшей проблеме; призвать народ применить механизмы народовластия для изменения законодательства или пересмотра решения власти; обратиться в международные инстанции и к мировому общественному мнению; обратиться к своим чадам с призывом к мирному гражданскому неповиновению». Власть - структура, которая поддается корректировке. Для этого и существует, в частности, гражданское общество, а Церковь - его часть. Мне недавно попался катехизис киевского митрополита Петра Могилы, это XVII век. Он относит к смертным грехам объявление несправедливой войны. Представляете?! К кому единственному это может быть обращено? Только к тому, кто наделен высшей

властью. Речь идет о личной ответственности правителя за несправедливую войну. Церковь через этот Катехизис обращается к власть предержащим. Смертным грехом, вопиющим к небу, Петр Могила называет удерживание платы работнику. Оставление без пропитания тех, кто на тебя трудится, – обман.

- Очень актуально для нас!

– Увы, да. Насильственные действия по отношению к тем, кто слабее тебя. К сиротам, к больным, к вдовам – к тем, кто не может себя защитить. К тем группам населения, которые беззащитны перед сильными мира сего. Мы видим, как Церковь через формулирование смертных грехов пытается воздействовать на тех, кто имеет власть. Социальная концепция Церкви, как видим, формировалась еще в XVII веке.

Нашему нынешнему государственному устройству тоже не чужды эти вопросы. Другое дело, насколько полны ответы на них.

– Это практика любого государства. Всюду присутствуют искаженные формы правления. Возьмите коррупцию. Или неправедные суды. Это встречается даже в самой справедливой и правильно отлаженной государственной структуре. Везде человек, облеченный властью, может употреблять ее и для личной корысти, и для использования против своих личных врагов или политических оппонентов.

– Он же человек...

- Вот именно. Тем, что власть от Бога, не оправдываются те неправедные поступки, которые этой властью могут совершаться. Противостоять этому способны и зрелое гражданское общество, и Церковь - как голос совести, как особое пространство, в котором человек слышит Бога, в котором существуют данные человеку заповеди. Церковь, имея понимание того, что есть добро, а что – зло, может указывать власти на ее ошибки. Правда, Церковь не часто пользовалась этим: известно, что для тех ее лучших представителей, кто выступал как голос Церкви, это часто заканчивалось печально. Вспомним Иоанна Златоуста, святителя Филиппа, митрополита Московского, священномученика Арсения Мациевича, патриарха Гермогена, патриарха Тихона...

– Иоанн Креститель.

- Первый из них. Все они мученики. Церковь часто шла на молчаливое соглашение с власть предержащими по этой причине, за что была часто и критикуема.
- Попущение Божие тоже можно отнести к разряду явлений, идущих от Бога?

Александр Иванов. Явление Христа народу

- Конечно! Ведь мы же говорим: всякая власть от Бога или, точнее, - нет власти не от Бога. Имея в виду любое иерархическое построение по вертикали. Возьмем хотя бы церковную власть. Я вспоминаю показательную историю из патерика. В древние времена в Александрии как-то избрали патриархом какогото совершенно неизвестного монаха. И вот он ходит по своему патриаршему дворцу, радостно восклицает: «Вот это да! Вот я патриарх! Кто бы мог подумать!..» И вдруг слышит голос Божий: «Чернец! Ты успокойся. Я через тебя просто хотел наказать александрийцев, и худшего Я не нашел». Очень показательный пример попущения.
- Отец Алексий, вы сказали, что имеем в виду не только государственную власть царскую, президентскую и так далее. Но и не только церковную, верно?
- Родители по отношению к детям тоже носители власти. Как и дети в определенных случаях по отношению к родителям.
- К сожалению, нередко эта, последняя власть бывает абсолютной.
- Ой как нередко! И ой как к сожалению! Наши обычные начальники в наших обычных учреждениях. Учитель по отношению к ученику. Во всех названных и неназванных многочисленных случаях принцип власти один - от Бога. Власть... владыка... владеть... Бог ведь имеет полную, абсолютную власть. И Он - владыка всякого творения. Мы можем посмотреть, в чем осуществляется владычество Бога по отношению к миру, к человеку, к Своему созданию. Он - Вседержитель. Он все держит на Своих руках. Его власть - это прежде всего власть заботы, власть попечения, власть Своего ответственного присутствия в этом мире в любой момент в любой точке. Он берет на Себя ответственность за это. Но Его власть осуществляется не как деспотия, не как принуждение, не как возможность кого-то наказать или кого-то наградить, кого-то приблизить или кого-то отторгнуть, а как присутствие Его Промысла в этом мире.
- Можно сделать вывод, что все сказанное есть модель смыслового содержания любой власти в пределах ее компетенции?
- Именно так. Надо очень хорошо понять слово «власть». «Власть» и «свобода». Как ни странно, это - однокоренные слова. Пойдем по цепочке: власть область, власть - волость, от слова «волость» идут «слободка», «слобода́», которые, в свою очередь, подразумевают «слобо́ду», или более близкую нам «свободу». И само собой вытекает отсюда, что власть - это пространство твоей жизни, за которое ты отвечаешь. Таким образом, власть - свобода, которая тебе дана как величайшая ответственность за всех и за все, что тебе подвластно. А вот использовать эту возможность против кого-то, для себя, в своих интересах есть преступление закона устройства власти, а по-современному - использование положения в личных целях. Твоя область, твоя свобода являет твою ответственность за то, что происходит в твоем конкретном мире. Этот мир дан тебе, ты в этом мире - властен, то есть свободен. Вот только такая власть от Бога.
- Соблазн злоупотребления свободой равнозначен соблазну злоупотребления властью. Отсюда, видимо, и растут чертополохи коррупции, репей-

ники кумовства и прочие сорняки и паразиты.

Такая вот «ботаника»... Такое становится возможным, когда разделяют свободу и ответственность. Любую власть можно извратить, извратить сам принцип власти, сделать его абсолютно обезбоженным и тем самым абсолютно мертвым. Если вы помните, в прошлые, 70-е годы были такие баптисты-инициативники. Они не признавали безбожной советской власти, не регистрировали свои общины и из-за этого преследовались государством. И вот одного такого пастора допрашивает следователь на Лубянке. И говорит: «Вы же верующие люди. Там у вас, в ваших книгах, написано, что всякая власть от Бога. Что же вы все время сопротивляетесь власти?». А тот его спрашивает: «А вы от Бога?». И сразу все встало на свои места.

- Но в самом деле: как же тогда «всякая»?

- Никогда не догматизируется и никогда и не оправдывается сама власть конкретного государства, если она антинародна, богопротивна, деспотична, если это власть гитлеров и сталиных. Какой бы стабильной она ни была.
- Как говорил Гамалиил: если это дело человеческое, оно разрушится само, а если Божеское – как бы вам не стать противниками Бога.
- Да, оно разрушится. Рано или поздно.

В нашей стране для этого понадобилось семьдесят два года. А в нацистской Германии – всего двенадцать лет.

- Не без нашего участия. Власть, которая лишена ответственности за свой народ, страшный инструмент, уничтожающий и себя, и всех тех, кто к этой власти примыкает.
- Но, наверное, ответственность должна распространяться и на тех, к кому обращено острие власти, к подвластным. Они же тоже обязаны за что-то отвечать.
- Не думаю, что здесь уместен накатанный подход: мы-то да, но и вы, мол, со своей стороны тоже... Всё сложнее и зависит прежде всего от характера государства. А государство государству рознь. При деспотии, например, люди лишены всяких прав и возможностей отстаивать свои права, кроме как путем восстания или революции. Против тиранов голос способны возвысить пророки и поэты. Те и другие платят за это кровью. Но именно они лишают эту, казалось бы незыблемую, власть ее силы. В государстве с реальным демократическим устройством у народа есть рычаги воздействия на государство и

даже управления им. А Церковь, конечно, не поддерживает никакой смуты, никаких способов силового влияния на власть, потому что такая позиция влечет за собой анархию, безвластие, создает предпосылку, как это было сто лет назад в России, когда к власти приходят преступники, дикая шпана, которая, пользуясь всем аппаратом власти, начинает просто резню и уничтожение народа. Это страшно — погрузить мир в безвластие, в анархию.

– И все же: ответственность подвластных. Она абсолютна или формой и мерой зависит от обстоятельств?

Как принцип – абсолютна. Форма и мера – от обстоятельств. Конечно, формирование гражданской позиции, которая могла бы стать в каких-то вопросах оппонентом, действительно очень серьезная задача для любого государства, и его поиски стабильности как раз лежат в этой сфере – сфере формирования гражданского общества. Гражданская позиция лежит прежде всего в сфере образовательной, культурной, в области семейных институций. Потому что там, где люди образованны, где они культурно просвещены, там, где семейные ценности для людей очень важны, они, эти люди, будут стараться свой мир охранить и не давать им манипулировать, оберегать его от чуждого им, бесцеремонного вторжения. Более того, мир стабильный - это мир спокойных людей, и наличие именно таких людей очень важно для самого государства. Плохо, когда в государстве неспокойно. Это с одной стороны. Но с другой – если государство неправильно устроено, то одним из способов управления подобным государством власть избирает как раз поиск конфликтности интересов.

По принципу: в мутной воде проще ловить рыбу?

– Если угодно. Объясню почему. Чем конфликтнее общество, тем легче им управлять. Играть можно только на натянутых струнах. Когда общество занято, скажем, поисками врага, оно находится в возбужденном состоянии и ему не до «мелочей» внутренней жизни. И вот на таком напряженном, возбужденном состоянии очень легко сыграть нужную государству партию. Это одна из форм конструирования государством послушного, зависимого общества, которое отстраняется как раз от насущных для этого же общества дел, а поглощено третьестепенными или вовсе несуществующими проблемами.

- A послушное общество - это разве плохо?

Законопослушное общество – хорошо. Сервильное общество – плохо.

Общество, которое манипулируется идеологемами, - это плохое общество. Это несамостоятельное общество. А законопослушное - конечно же, хорошо. Только для этого законы должны быть если не идеальными, то близкими к ним, чтобы послушание им не противоречило ни здравому смыслу, ни принятым нормам нравственности, я уж не говорю о соответствии их тому самому устроению власти, которая от Бога. И главное – они должны быть общими для всех: и для тех, кто этим государством руководит, и для тех, кто является в этом государстве управляемой субстанцией. Надо сказать, что в монархическом устроении считается, что все-таки монарх выше закона. Но только в елинственном случае – когла он имеет право отменить закон в пользу помипования

- То есть милосердие выше закона.
- Да, только в этом случае у монарха есть право подняться над законом.
- Во всем остальном он такой же подданный государства, как все?
- Именно как все. Иначе законодательство в стране начинает носить дифференцированный, корпоративный характер: для одной категории одни законы, для другой и эти, и все остальные.
- О том, что нет власти не от Бога, наверное, не грех помнить и в более прозаических случаях. Допустим, один человек обладает более высокими знаниями в какой-то области, чем другой.
 Он уже обладает властью над тобой в этот момент или в этой ситуации.
- Да, точно так же, как и социальное неравенство зиждется на этом принципе. Но все, что делает нас в этом мире неравными, не должно служить подавлению нас друг другом, потому что неравенство в этом мире существует не как дискриминация другого это предполагает сам принцип власти. У неравенства другой принцип и другая природа: каждый нуждается в другом. Скажем, глупый нуждается в умном, нищий в богатом, как и богатый в нищем, больной нуждается в здоровом, но и здоровый должен нуждаться в больном. На этом принципе, собственно говоря, все и должно строиться.

– Скажите, отец Алексий, предмет нашего разговора рифмуется с таким понятием, как смирение?

- Смирение?.. Да. Потому что смирение— это величайшая власть человека над самим собой. Вот что такое смирение. И потому оно тоже, точно, от Бога.
- Замечательный финал нашей беседы. Благодарю вас.
 - Во славу Божию.

Не надо изобретать велосипед, который давно существует

Александр Кабаков – Павел Демидов Встреча четвертая

– Мне кажется, если из понятия власти исключить религиозное измерение, обсуждение вопроса – нет власти не от Бога – вообще теряет смысл. Все достаточно просто. Власть должна быть носителем Божественного отношения к миру.

Что вы имеете в виду? Следование заповедям Господним?

– В идеале – безусловно. Но хотя бы благословение Божие как утверждение легитимности. Как было при абсолютной монархии.

Честно говоря, плохо представляю такую ситуацию сегодня.

Минус вашему воображению.
 Прошли выборы. Избранный глава государства пришел и получил благословение.
 Причем, вовсе не обязательно благословение патриарха.
 Вполне достаточно своего священника.
 Как благословение на начало любого дела.

- Но, может, он и получил?

— Тогда об этом должны знать. Если ничего не известно, этот факт не имеет отношения, в частности, ко мне как к верующему человеку. Не знать об этом — все равно что сесть за обеденный стол не помолившись. Нет власти не от Бога — это такая формула, против которой возражать не приходится. Я — человек принципиально законопослушный во всех отношениях: не только в действиях, но и помыслах. Возможно, поэтому то, что я скажу, может выглядеть парадоксально.

- Интересно, интересно.

 В Священном Писании нет слова «президент». Как и нет в Писании слова ва «парламент».

- Есть «синедрион».

– Это скорее политбюро. Не думаю, что это лучше. Или хуже. Разница просто в количестве задействованных людей. Но «президента» уж точно нет. Я считаю, что, исповедуя максиму «нет власти не от Бога», нужно договориться о том, что имеется в виду всякая власть. Не плохая или хорошая, но любая – именно как власть. Кроме той,

которая пришла на место уничтоженной ею законной власти. Какая власть законна? Та, которая освящена религией. Одно дело, когда вами правит помазанник Божий, и совсем другое — если это место занимает человек, которого выбрали люди, никогда прежде его не видевшие.

Вы это о прошлом или о настоящем?

– О том, что есть всегда. Когда воцаряется власть путем свержения законной, то есть освященной религией, то это никакая не власть от Бога, а власть преступная, применившая в качестве инструмента метод узурпации.

Мне кажется, здесь нужно коечто уточнить.

- Например?
- Ну, хотя бы... Освящена религией это же не предполагает единственно соблюдение процедуры? Власть от Бога а мы с вами находимся в христианском религиозном поле, верно? это прежде всего обретение власти ненасильственным путем.
- Совершенно верно. Именно обретение, а не завоевание.

- И если, допустим, говорить о нашей стране, то события столетней давности февраля и октября 1917 года как раз пример того, что вы, и я с вами согласен, называете захватнической, то есть безбожной властью.
- Продолжим логическую цепочку. Если власть выбрана - путем всенародного ли голосования, или специальными выборщиками, или на сельском сходе - неважно где и каков ее объем, она от Бога, ибо сформирована по Его законам. Возможно, мы несколько повторяемся, но это чрезвычайно важно уяснить, поскольку определяет дальнейший путь поведения общества. Если почему-либо пришло разочарование властью или если власть перестала оправдывать связанных с нею чаяний, беритесь не за топор, а за новый избирательный бюллетень. Добивайтесь другой власти.

Мы с вами ведем разговор, имея в виду религиозное или безрелигиозное общество?

 Для нашего с вами случая это, помоему, не имеет значения.

- Как так?

- Религиозности общества, как мне представляется, не может быть вообще. Общество состоит из людей, и религиозность общества есть, по сути, религиозность людей, его составляющих. Если человек безрелигиозен, это, как говорят американцы, его проблема, то есть проблема его пакибытия. Но при этом ничто не мешает безрелигиозному обществу выбрать себе власть легитимным путем, что, к слову, и делается в большинстве случаев, а это и есть власть от Бога, то есть в соответствии с Его установлениями, как бы иные агностики или атеисты это ни отрицали. Власть не должна монтироваться с полицией, палками усмиряющей горячие головы. Это уже не выборная власть. Это власть улицы. Уличная политика. Лично я это отрицаю полностью.

- Вы сказали, что власть должна быть освящена религией. Хочу еще раз уточнить. Значит, если она не освящена религией, она – не от Бога?
- Она не от Бога, когда она насильственно сменяет ту, которая от Бога.
- Но легитимность устанавливается нашими, человеческими законами, а не Божескими.
- Сам подход к легитимности как к принципу организации общества идет от Бога.
- Может быть, эта формула нет власти не от Бога уже не применима к тому, что существует вокруг? Уже не актуальна?
- Вы хотите спросить: не устарел ли Бог? Может ли быть неактуальной вечность? А что? - они от Бога, те горлопаны, которые выходят на площадь? Они - от Бога? Приведу аналогию, которая может показаться далекой от предмета нашего разговора. Человеку предлагают вложить во что-то деньги. Убеждают, сулят, уговаривают... Он соглашается и... теряет всё. Другая ситуация: к нему подходят с ножом или дубиной и отнимают те же деньги. В первом случае все происходит в рамках закона (кроме человеческой глупости, которая, как известно, законов вообще не признает). Во втором – совершается насилие. Но в первом случае вы добровольно делаете опрометчивый шаг, то есть закон предоставляет вам свободу выбора. Во втором - у вас малоприятная альтернатива: или безропотно подчиниться грабителю, или стать его жертвой. Ну и, если в силах, - сопротивляться. Тоже вроде бы выбор, но, согласитесь, не совсем тот.
- Аналогия действительно неблизкая.
- Но она не противоречит главному. Общество отказалось от Бога, от Его заповедей. Установило свои законы, выбрало себе вождя. Будьте добры, соблюдайте правила, которые вы сами же установили.
- Вы хотите сказать: соблюдение законов, пусть даже не Божеских, но человеческих, уже само по себе есть следование формуле, что нет власти не от Бога?
- Именно это я и хочу сказать. Речь,
 в моем представлении, идет не о персонально Иванове-Петрове-Сидорове,

которого Господь взял за шкирку и усадил в руководящее кресло. Иное дело с помазанником Божиим: он свыше наделен властью, простите тавтологию, наделять властью, и в этом случае ситуация полностью соответствует формуле, которую мы обсуждаем. Но мы живем в другое время, и это нельзя не учитывать. Каким бы секулярным общество ни было, оно может быть как законным, так и незаконным.

- А религиозное общество может быть незаконным?

- Примеров сколько угодно. Как из прошлого, так и из современности, которую мы с вами хорошо знаем.
- Когда мы касаемся этой максимы нет власти не от Бога, в представлении практически любого человека прежде всего возникает образ власти государственной. Но практическая форма власти очень многообразна: власть родителей над детьми, власть ребенка по отношению к родителям, власть человека над природой. Если так можно сказать, весь мир соткан из властных нитей. И все они от Бога?
- В той формуле ключевое слово отрицание «нет». Значит, та, которая не противоречит Божественным законам, вот она от Бога.

А как же все-таки в обществе, в котором Бог официально отринут?

- Если рассматривать словосочетание «от Бога» буквально как «поставленное Богом», тогда любая нынешняя власть не от Бога. Она от людей. Повторюсь: всякая не противоречащая законам Бога вот она от Бога.
- Обратите внимание: никто не возражает ни против одной из девяти заповедей блаженств из Нагорной проповеди Христа или из десяти заповедей Ветхого Завета, даже коммунисты с удовольствием их цитируют. Как их выполняют вопрос другой.
- То, что вы сказали, как раз свидетельствует об онтологическом стремлении людей жить по-божески, и это вселяет оптимизм. Всё от Бога! Почему власть должна быть исключением?
- Есть разные формы отношения
 Бога к человеческому обществу.
 - Что вы имеете в виду?
- Попущение Божие. Это ведь тоже форма отношения Бога к людям. Банальный пример Гитлер.

- Не только. Я думаю, такого рода попущения имеют цель образумить, усмирить человеческую гордыню, которая толкает его менять мироустроение, читайте власть, незаконным путем. Уличная демократия, как бы ни было дорого людям второе слово, перечеркивается содержанием первого.
- Но если не забывать о смирении, наверное, по-иному будет восприниматься попущение Божие.
- Если не забывать о смирении, то восприятие всей жизни будет иным. Несмиренный человек не принимает жизни, а всякое несмирение есть попросту отрицание Бога. Хочу вернуться к началу нашего разговора. Я еще раз говорю: если в Писании нет президента, как он может поглощаться формулой, что нет власти не от Бога?
- Мне кажется, вы придаете слишком большое значение смыслу отдельных слов. Нет в Писании президента есть фараон. И что из того?
- Конечно, это не существенно. Мобильного телефона тоже в Библии нет. Но это не лишает его права занимать в нашей жизни определенное, вполне легитимное место. Но в принципе это парафраз того, в чем мы с вами сходимся. Итак, если власть не от Бога, то она не власть.
- Это дает право добиваться ее свержения незаконным путем?
- Категорически нет и нет. Беззаконие, помноженное на беззаконие, не даст законного результата. Если брать сегодня христианский мир, власть от Бога в ее каноническом толковании едва ли наберет десять процентов.
- Думаю, вы излишне оптимистичны.
- Считая и некоторые имитации наследственной власти, как и воображаемой монархии, которые пока существуют. Я бы сказал, это лучше, чем ничего.
- Вы верите, что в России может восстановиться монархия?
- Нет. К сожалению, это исключено. Династия прервалась. Создавать новую? Это же тяжелейший процесс. Кому он по силам? И главное пока я не вижу общественного заказа. Да и вообще это не рукотворная работа. В Великобритании династия не прерывалась. Швеция с Норвегией, да и Голландия, в этом от-

ношении тоже благополучны. Между прочим, всюду, где сохранилась монархия, двадцатый век обошелся меньшими кошмарами, там не было и фашизма. Это о чем-то говорит?

– Пожалуй...

– Попытки нашей власти удержать равновесие между новой и старой Россией на самом деле очень продуманы. То, насколько правильно они продуманы, можно обсуждать. Назвать милицию полицией – и подобных примеров немало – едва ли можно отнести к разряду основополагающих шагов. На одних кремлевских башнях двуглавые орлы, на других – остались звезды. Совсем уж нечто фантастическое: на фуражке кокарда – двуглавый орел и герб с короной, а ниже – пятиконечная звезда. С листьями.

- Это, простите, где?

В Российской Федерации между
 91-м и, по-моему, 97-м годом.

– Да что вы! Как же такое прошло мимо меня...

- Может, оно и хорошо. Меньше отрицательных эмоций. Вспоминаю профессора Преображенского из «Собачьего сердца». С его сентенцией о разрухе в головах. Иначе, например, я не могу объяснить, почему в армии осталось обращение «товарищ». Что солдата к генералу, что генерала к солдату. Какие они товарищи? Это в армии-то! Президент, обращаясь к любой аудитории, говорит: «коллеги». Ладно бы к чекистам или к юристам ко всем. Это не мелочи, не частности.
- Я назвал бы это симптомом состояния безразличного равновесия термин из теории устройства корабля, когда поплавок общественного самосознания может быть легко повернут в любую сторону.
- Совершенно верно: нет остойчивости. На самом деле эта кажущаяся нелепица хорошо продумана.

Вы полагаете, заменой слова можно исправить ситуацию?

- Это не просто замена одного слова другим. Это принципиальное изменение ситуации. Лично для меня, например, обращение «господин» имеет важнейший, как теперь говорят, бэкграунд.
- Можно поинтересоваться, в чем он?

– Товарищ – это, если хотите, горизонталь отношений, а господин – вертикаль. То есть все тот же вопрос власти. Одного по отношению к другому. И это нормально, потому что такая вертикаль освящена Богом. Когда генерал и солдат, обращаясь друг к другу, говорят «товарищ», это одна структура отношений...

- А «господин» - другая?

- Представьте, да. «Господин генерал» стоит над солдатом. «Господин рядовой» устанавливает некую уважительную дистанцию. Согласитесь, съездить по физиономии «товарища» проще, чем «господина».
- Пожалуй. Но лично мне переключиться на «господина», признаюсь, все еще непросто.
- Могу понять, хотя не разделяю. Ну, есть «сударь». В системе наших обращений друг к другу много невнятицы. Те же «дамы и господа»...
- Первое слово лишнее, потому что второе подразумевает всех присутствующих.
- Совершенно верно. Некий эвфемизм обращения «мужчина» и «женщина», что вообще ужасно и совершенно недопустимо. Все это, казалось бы, просто обращение, вопрос этикета. Но из таких формальных, декоративных вещей создается ткань внутриобщественных связей. Пока она достаточно неопределенна, неустойчива. Это, если хотите, симптом вектора нашего движения: в ту или в другую сторону.
- Как вы считаете? В формуле «нет власти не от Бога» речь идет об устроении власти что это в первую очередь должна быть вертикаль?

Ведь Господь сам мир построил по вертикали.

- Полагаю, что да, прежде всего имеется в виду принцип устроения власти, а не ее персональное олицетворение. Но сегодня мы имеем много примеров противоположного свойства устроение по горизонтали. То, что называется демократией.
- О которой Черчилль сказал, что она ужасна, но человечество не придумало ничего лучше. Мне кажется, человечество просто изобрело велосипед, который существовал уже задолго до этого, но сделало его в худшем варианте.
- Черчилль был не так уж неправ.
 Демократические идеи и теории, они не от Бога.
- И тем не менее, нам приходится жить в этой реальности.
 - Так мы же сами ее и создали.
- Есть прекрасная украинская поговорка: бачылы очи, шо купувалы, тэпэр йишьти, хочь повылазьти.
 - Вот именно. Едим...
- А вот эта самая формула нет власти не от Бога она, на ваш взгляд, абсолютна или относительна? То есть в каждой конкретной ситуации, в каждом конкретном регионе у нее могут быть модификации?
- Я бы с последним допущением не согласился. Всякая власть должна быть от Бога. Даже если она дана нам в попущение. Слово <u>должна</u> я бы подчеркнул и выделил шрифтом. На этом, мне кажется, можно поставить точку. Не против?
- Благодарю вас. Храни вас Господь.

СВЯТИТЕЛЬ ИОАНН ЗЛАТОУСТ – О ВЛАСТИ

Тот, кто покоряется властям, не властям покоряется, а повинуется Богу, установившему их; и кто не повинуется им, тот противится Богу... (см.: Рим. 13: 1). То, что существуют власти, и одни начальствуют, другие находятся в подчинении, а не идет все без порядка и разбора, и народы не мечутся, как беспорядочные волны, есть дело мудрости Божией.

Трудно и благочестивому человеку остаться таким по получении власти. Тогда сильнее заявляют о себе и тщеславие, и корыстолюбие, и самонадеянность — так как начальство дает к тому возможность, равно и столкновения, оскорбления, злословия и многое другое. Поэтому кто не благочестив, тот будет еще более неблагочестивым, сделавшись начальником.

Как богатство обыкновенно губит людей неосторожных, так равно и власть. Первое доводит до любостяжания, а последняя – до безумия.

Власть поставляет человека во многие обстоятельства, которые делают и весьма кроткого тяжелым и суровым, подавая множество поводов к гневу.

Валерий Березин

Принимая Божие попущение, мы сохраняем себя

азвать автора этой публикации фермером, сообразно тому, где он сейчас живет и чем занимается, — наверное, сузить его жизненный диапазон. Да, живет в деревне. Да, занимается сельским хозяйством, точнее — кормится от земли: огород, коровы, пчелы; был коник Малыш — вышел возраст, были гуси — не прижились, уж больно щипливые.

А в свое время Валерий Березин окончил Московский авиационный институт, знаменитый МАИ, работал в городе Александрове на телевизионном заводе «Рекорд», пока новое российское жизнеустройство не установило новые рекорды, в результате чего завод накрылся, а Валера остался без работы. Зато деревня Юрцово получила отменного умельца — и дом поставит, и печку сложит, и баньку сладит, и да много чего бы еще, кабы не здоровье... Трое детей: Семен — путейский инженер, Ксюша — геодезист, Павел — по автоделу. Жена Ирина — министр почтовых дел в родной деревне, проще говоря, почтальон. Березины — давние прихожане соседнего Стефано-Махрищского женского монастыря. И тему этого номера подсказал он, Валерий Березин. И свою заметку прислал в редакцию.

На протяжении достаточно продолжительного времени меня интересует вопрос о власти. Оно и понятно: мне приходилось и приходится сталкиваться с нею на каждом шагу. Как, наверное, любому из нас. Не могу сказать, что для меня эти столкновения всегда одинаково безболезненны.

Если наше государство стремится к тому, чтобы стать безупречно правовым, ему необходимо обеспечить это стремление разносторонней законодательной базой. А где законы – там их исполнение или неисполнение. А где неисполнение – там принуждение или наказание. Иначе какая же это власть? Но я веду речь не о конкретной нашей власти – кто, мол, там хорош, а кто плох, а о власти вообще. Точнее, наверное, об ее истоке.

На первый взгляд, все достаточно просто: вся и всякая власть - от Бога. Чего тут мудрствовать? Подтверждение этих слов можно найти в Евангелии от Иоанна. Иисус отвечает Пилату: «...ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше...» (19:11). Вроде бы яснее ясного: если уж сам иудейский прокуратор не всесилен, а над ним есть кто-то еще, кто же этот «кто-то»? За ответом далеко ходить не нужно: откроем Книгу пророка Даниила (2:20-21): «И сказал Даниил: да будет благословенно имя Господа от века и до века! ибо у Него мудрость и сила; Он изменяет времена и лета, низлагает царей и поставляет царей; дает мудрость мудрым и разумение разумным...».

Но при этом у меня возникает вопрос: если Господь даровал человеку свободу, значит, по логике, и общество, состоящее из этих свободовольных человеков, тоже должно быть таким же свободным, как и отдельно взятые его представители. Но так ли это в действительности? Мне кажется, существует какая-то обратно пропорциональная зависимость между свободой лич-

ностей и свободой общества, состоящего из этих личностей, и что эту зависимость заинтересованно поддерживает власть.

Если мы обратимся к истории, то насчитаем, пожалуй, всего три формы правления. Это власть одного — монархия, власть группы людей — аристократия (власть лучших) и демократия — власть народа, вернее граждан (гражданин полиса, который не участвовал в общественной жизни, назывался идиотом). При деградации и нравственном разложении эти власти вырождаются соответственно в деспотию, олигархию (власть богатых) и охлократию, или власть толпы, анархию. Но это уже в той истории, творцы которой далеко не все обременяли себя отношениями с Господом Богом.

Однако есть еще Священное Писание, наша, так сказать, праистория, из которой можно почерпнуть много ценного, и в частности сведения еще об одной, изначальной форме власти - теократии. Говоря современным языком, - прямом правлении Бога. Израиль может похвалиться опытом этой формы власти, к сожалению, правда, непродолжительным. Сыны Израиля возроптали и начали просить себе царя, чтобы было, как и у других народов. И Господь, не желая ущемлять волю строптивцев, сказал пророку и последнему судье израильтян Самуилу: «...послушай голоса народа во всем, что они говорят тебе; ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними...» (1 Цар. 8:7). Далее следует перечень скорбей, обязанностей, кар, которые выпадут на долю народа, когда у него появится царь.

Как видим, даже такая форма правления, как монархия, при которой царь получает особую благодать Божию для исполнения своих обязанностей, может стать попущением Господним. Это я к тому, что не надо спешить кричать «Долой!» и хвататься за булыжник, если власть в чем-то или вообще не оправдала наших надежд.

Поступать так — значит противиться воле Божией, роптать на Него или даже возводить хулу. Этого же правила следует, мне кажется, придерживаться и при остальных формах правления, хотя они существенно и уступают монархии.

Принимая попущение со смирением, мы тем самым проявляем чувство самосохранения, присущее человеку как биологическому виду. В противном случае, то есть при противлении Господней воле, нас ждет вырождение как народа. Да и государству в этом случае невозможно оставаться благополучным, его путь — в пропасть. За грехи своих подданных. И получается: власть зависит только от нас, от нашего нравственного состояния. Правда, и об этом не следует забывать, нравственное состояние народа во многом зависит от власти. Вот такая получается взаимозависимость.

А если все же говорить о конкретной власти у нас, вынужден с сожалением констатировать отсутствие дееспособного среднего звена, которое могло бы донести наверх то, чем и как живет народ, а не транслировать то, что власть хотела бы услышать. От него — от среднего звена — также зависит, какой будет обратная связь: речь о том, чтобы донести до народа в удобоваримой форме, как и почему власть действует так, а не иначе, разъяснить действия власти, предпринимаемые для организации жизни народа. А делается-то немало.

Слов нет, показывать и рассказывать о президенте нужно. Но делая это своей главной задачей (а такое впечатление складывается), не оказывают ли наши средства массовой информации медвежью услугу (к премьеру это не имеет отношения) и предмету своих креативных устремлений, и делу формирования гражданского общества? Право, и хорошему надо знать меру.

с. Юрцово, Владимирская область

Скажите, пожалуйста...

Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы	<u>Валерий Яковлевич</u> <u>Нуждаев</u> предприниматель	<u>Галина Олеговна</u> пенсионерка	<u>Надежда Георгиевна</u> <u>Сорокина</u> пенсионерка
Какие вопросы у вас возника- ют, когда вы читаете эти сло- ва апостола Павла?	У меня вопросов не возникает потому, что любая власть дается нам от Бога по грехам нашим. Так и было сказано.	Любая власть от Бога, попускается по нашим грехам и несовершенству. Какие вопросы тогда могут возникать?	Для народа, который живет богоугодной жизнью, дается власть хорошая, а развращенному народу, который блудствует, пьет, — соответственная.
Руководствуетесь ли вы этим утверждением в своей жиз- ни?	Всегда. Особенно это актуально в армии.	Руководствуюсь.	Да, руководствуюсь. Последнее время, когда я воцерковилась, познала, что такое власть, что все от Бога. Я именно этим руководствуюсь.
Какую власть имел в виду Апостол, говоря, что нет власти не от Бога?	Любую власть, потому как всё дается по нашим грехам и по вере нашей.	И духовная, и государственная.	Наверное, имел в виду хорошую и плохую. Какой народ достоин, такую власть Господь дает.
Правомерно ли добиваться свержения власти силой, даже если она себя скомпро- метировала?	Только в одном случае – если она богоборческая.	Считаю, что не правомерно.	Нет, не правомерно. Я считаю, что нет такого закона свержения власти силой. Все должно идти цивилизованным путем, выборно.
Налагают ли эти слова Апостола обязанности только на власть предержащих или на подвластных тоже?	Они касаются всех, ибо Апостол обращался не к власти, а ко всем.	Налагают. И на власти, и на подвластных.	На власть предержащих и на подвластных тоже.
Какая форма власти лучше для России — наследственная или выборная?	Наследственная, царственная, ибо я по убеждениям монархист. Но еще лучше – как раньше – от судей, Божественная.	Если бы она шла от царя, то на- следственная, а так – лучше вы- борная.	В принципе наследственная лучше, но, так как наш народ не готов получить наследственную власть, значит, выборная.

<u>Евгений Борисов</u> фотограф	<u>Марина</u> домохозяйка	<u>Сергей</u> предприниматель	<u>Евгения</u> учитель-логопед
C			
У меня вопросов не возникает. Просто Царь мира Господь устраивает на земле жизнь, устраивает спасение людям. А каждый выбирает, в какую сторону он идет.	Не очень думала над этим вопросом, что имел в виду Апостол. Поэтому не могу ответить.	Имеется в виду, что все происходит сообразно воле Господа. Каких-то неоднозначных мнений, мне кажется, здесь нет.	Всякие власти, которые мы имеем, они установлены Господом. Какие вопросы могут возникать?
Я ощущаю, что люди достойны той власти, какой жизнью они живут. Такую власть они и имеют.	Наверное, нет, я как-то далека от этой темы.	В общем-то, да.	Стараюсь. Не могу сказать, что всегда успешно.
Именно земную власть. Я здесь не усматриваю какихто таких многоплановых рассуждений.	Я не знаю контекста этой фразы. Возможно, что глупо роптать на власть и люди имеют ту власть, которую заслуживают в данный момент.	Богу Богово, кесарю кесарево. Власть и управляющих нужно слушать до тех пор, пока Послушание заканчивается там, где начинается грех.	Апостол, наверное, имеет в виду государственную власть, мирскую и церковную тоже — священноначалие, которое тоже попускается.
Первый революционер на земле – сатана, то есть любая революционная деятельность – это дьявольская деятельность. Свержение власти силой – плохой путь.	Свержение силой всегда приводит к каким-то жертвам человеческим, это всегда трагично и в любом случае очень плохо.	Я уверен, что нет. Правители такие же люди из народа, как и все мы. Если они власть получили, то, значит, мы ее заслуживаем.	Я считаю, что не правомерно добиваться свержения власти без какого-либо Божьего Промысла.
Конечно, на всех, потому что это сообщающиеся сосуды – власть – народ: как народ позволяет с собой поступать, так власти себя ведут.	Это относится ко всем людям, нужно помнить о Божьей воле, о Божьем наказании. В наших невзгодах виноваты все — и те, кто под властью, и те, кто эту власть имеет.	Каждый исходит из каких-то своих внутренних убеждений. Поэтому каждый должен решать сообразно своему собственному мировоззрению.	Да, на тех и на других налагаются, потому что идет подчинение, иерархия. Обязанности у всех есть, каждый в своем месте несет ответственность за свои действия.
Так как власть от Бога, то пусть Господь и решает, какая власть лучше.	Это вообще не важно. Главное, чтобы это была разумная власть, справедливая, соответствующая потребностям времени.	На самом деле без разницы. Смысл людей, управляющих государством, — это развитие страны и народа, а как это будет делаться — не имеет значения.	Я думаю, та, которая сейчас, попущена Богом. Попозже, я полагаю, Господь даст нам наследственную, по пророчеству.

«Старайтесь так жить, как Бог даст»

сегда с радостью узнаю о предстоящих встречах с о. Валерианом Кречетовым и стараюсь отодвинуть свои дела для того, чтобы снова и снова услышать живое слово светоносного пастыря, каких немного сегодня.

Встречи с ним всегда удивительны, они дают духовную поддержку, лечат от уныния, наполняют смыслом наше существование. Отец Валериан очень близок к каждому человеку, так как он сам через многое прошел, пережил и прочувствовал. Со многими старцами, подвижниками Православия довелось ему общаться. Как опытный духовник, он, опираясь на учение Святой Церкви, на собственный глубокий духовный опыт, помогает людям нащупать главное, выкарабкаться из болота какого-нибудь греха, страсти, да и просто подскажет, как быть в той или иной жизненной ситуации. Проблем маленьких для него не существует. Видимо, поэтому встречи с ним так желанны и ожидаемы.

Ажиотаж начался уже у входа в Дом кино, афиши которого говорили о предстоящей презентации документального фильма об о. Валериане «Любовь не ищет своего...» и о присутствии самого батюшки на этом вечере. Как только двери открылись, поток людей хлынул в зал, заполнив его моментально, — через несколько минут уже не было ни одного свободного места. Но люди готовы были стоять в проходах, сидеть на ступеньках и ловить каждое слово через открытые двери, даже находясь в фойе.

Появление батюшки встретили сердечными аплодисментами. Подойдя к микрофону, он пошутил, сравнив свою рясу, полную наград, с пиджаком Брежнева, который упал и этим, согласно анекдоту, вызвал землетрясение.

Отец Валериан, окинув взглядом зал, сказал, что рад всех видеть, «много знакомых людей, конечно, не все, за сорок восемь лет многие отошли в мир иной. Я благодарен Богу, что Он сподобил меня с этими людьми общаться». Общение очень важно, человек многое приобретает, обогащается. Любовь проявляется, когда мы приезжаем друг к другу. «На заре двадцать первого века, Когда жизнь непосильна

уму, Как же нужно любить человека, Чтобы взять и приехать к нему, – процитировал батюшка. – Вот вы приехали сейчас на вечер – это и есть выражение любви».

Батюшка рассказывает о своем детстве, о родителях, о семье.

Его бабушка, Мария Арсеньевна Морозова, происходила из старообрядческого купеческого рода. Она была глубоко верующим человеком, образцом жены, матери и христианки. С Михаилом Кречетовым они обвенчались на поселении после тюрьмы — это был подвиг, так как он был политическим заключенным, врагом народа. Позже мать добилась реабилитации отца. лошла до Сталина.

В Соловецком лагере отец сидел вместе с епископом Феодосием (Ганицким), в 2006 году прославленным Русской Православной Церковью в лике святых как священноисповедник. Как-то на вопрос отца, как поступить, владыка посоветовал положиться на волю Божию. «Я положился». — «А чего тогда ко мне пришел? В лучших руках дело».

Началась война, мама осталась одна с тремя детьми. Письмо на фронт, в котором она писала, что будет ждать мужа любым («где бы ты ни был, что бы с тобой ни было, хоть без рук, без ног, я тебя разыщу и привезу тебя»), отец, как молитву охраняющую, носил в кармане всю войну.

О войне и послевоенных годах, годах своего детства, о. Валериан вспоминает до сих пор: «Иногда сейчас можно услышать: "Есть нечего". Да вы не знаете, что такое "есть нечего"! Вам не хочется просто есть, а "есть нечего" – это вообще нет ничего, что можно съесть. Вот это – не дай Бог».

Однажды маму о. Валериана вызвали на ковер: зачем ходите в церковь да еще и водите своих детей? Она ответила, что Церковь помогает ей детей воспитывать. И действительно, многие восхищались: «Какой воспитанный

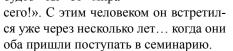
мальчик!». «Не такой уж я был воспитанный, - говорит батюшка, - просто я вырос в Церкви». Он вспоминает, что однажды, будучи ребенком и оказавшись в высшем обществе, он поцеловал руку одной старой даме. Та была поражена: откуда такое воспитание? А для него это было естественно дети в их семье привыкли подходить под благословение, лобызать руку, выражая этим благоговение. Также он знал, что полагалось и женщине руку целовать. «Я никогда не садился, пока мне не скажут. Это было просто православное воспитание, а вовсе не великосветское».

Воспитанный в духе любви к Богу, маленький Валера начал прислуживать в церкви с шести лет. Шел 43-й год, война. Пел и читал, причем читать начал одновременно и по-русски, и по-церковнославянски. «Я припадал к иконе Матери Божией и просил у Нее только одного: "Матерь Божия, сподоби меня служить Сыну Твоему и Богу моему". Об этом никто не знал, это была моя детская молитва, — старец едва сдерживает слезы, произнося эти слова. — Ну вот, как видите, служу...».

Если человек все время думает о служении Богу, то все остальное обязательно будет на своих местах. Отец Валериан приводит слова духовника афонского монастыря Филофей отца Иоанна: «Когда мы идем к свету, за нами идет наша тень. Тень — это все земное. Иди к свету, и все земное будет дано тебе, как твоя тень. Если же ты отвернешься и погонишься за тенью — за земным, то и от света уйдешь, но и тени не догонишь. Это истина».

Вспоминая детство, батюшка, в частности, рассказывает, как, отвечая на уроке, встал и привычно для себя перекрестился. Кречетовы не были ни пионерами, ни комсомольцами, однако в характеристике после 10 класса у Валеры было написано: «Пользуется уважением и любовью одноклассников». Однажды учительница на родительском собрании, обращаясь к его отцу, видимо даже незаметно для себя, сказала: «А Вы что скажете, Ваше Сиятельство?». Действительно, ког-

да человек живет служении Богу, на нем как будто печать отражается Божия, сияние появляется. Отец Валериан вспоминает, как у него, молодого человека, на работе спросили, что представляет собой сослуживец, с которым он постоянно общается. Будущий о. Валериан не знал, как объяснить, сказал, что тот не от мира сего. «Ничего себе объяснил! Как будто ты от мира

Но прежде был институт, целина, работа инженером-механиком на Урале. «Мой отец, который стал священником в пятьдесят четыре года, мне всегда говорил: "Священническое служение это служение, а профессия у тебя просто должна быть, мало ли что придется в жизни делать. Многие апостолы были рыбаками, каждый имел какуюто профессию". Как-то отец сказал, что тот, кто собирается стать священником, должен быть готовым к тюрьме. Я готовился. Бог пока миловал». Но по тюрьмам о. Валериану поездить все же пришлось: после окончания института его направили обследовать лагеря заключенных.

В начале своего служения о. Валериан не знал, какой путь выбрать семейный или монашеский. Спросил совета у о. Кирилла (Павлова). Тот сказал: молись - Господь тебе укажет. В тот же день он познакомился со своей будущей женой. О трудностях семейной жизни о. Валериан с присущим ему удивительным чувством юмора рассказывает: «Я прожил со своей тещей тридцать пять лет. Кто живет с тещей, знает, какой это важный момент. Я получил столько – никакая академия столько не даст. Школа смирения - я был человек очень гордый, строптивый. А Господь сказал: строптивым на пути посылаются стропотные. Моя теща, Царство ей Небесное (духовная

Музыка, которую любит отец Валериан, – это тоже молитва Богу

дочь о. Сергия Мечёва, очень много рассказывала о нем), была человеком твердой воли. Но я хорошо помнил и выполнял заветы своих родителей. Завет моей матери был таков: "Валюшка, молчи. Старшим не смей отвечать". И, выполняя ее завет, я просто как сыр в масле катался. И любому это советую. Среди двоих кто первый уступит, тот и прав».

Бог дал о. Валериану пятерых сыновей, двух дочерей и пока что тридцать пять внуков. Огромный опыт. Однажды звонит ему молодая мама: «Что делать, батюшка, — ребенок плачет?». Ребенку девять месяцев — зубки режутся, самое время. Это болезненно, а сделать ничего нельзя — только терпеть. «Очень важный медицинский момент, — говорит о. Валериан, — когда болезнь не лечится, ее нужно терпеть. Так же, как и ближнего своего: если ничего не получается — терпи. Это закон. Кстати, очень полезный».

Следующие полушутливые размышления батюшки мне хотелось бы привести почти дословно, настолько они актуальны и поучительны: «Человек рождается и сразу начинает есть. Зубов у него еще нет, а он ест. Появляются зубы — он ест. Потом зубы начинают выпадать, а человек продолжает есть. Могут вывалиться все зубы, а человек все равно ест. То есть получается, что ест он все время, от рождения до кончины. А зубы у него не все время. Значит, их основное назначение не для этого — есть он может и без зубов. А вот когда

начинают вылезать зубы? Перед тем, как человек начинает говорить. Так вот для чего они нужны - чтобы держать язык за зубами! А если они язык не держат, тогда для чего они? Первые причины выпадения зубов - это то, что они плохо держат язык. А как дорого зуб отремонтировать! Теперь я понял: молчание золото. И это не шутка. К примеру, если рот открыва-

ешь с тещей или со свекровью, так потом приходится с ними разъезжаться. А это дорого. А так молчишь – и дешевле все обходится. Еще пример. На работе рот открыл – премию срезали. А промолчал бы? Вот так».

Батюшке много приходится ездить. «Я очень много нахожу поучительного. Как курочка клюет по зернышку, так везде можно найти духовную пользу. И этим мне хочется поделиться. Вот, к примеру, притча. Поссорились два друга, один другого ударил. Тот, кого ударили, написал на песке: "Сегодня друг ударил меня". Через некоторое время тот, кого ударили, стал тонуть. Друг, забыв про ссору, бросился и спас его. Тогда спасенный высек на камне: "Сегодня мой друг спас мне жизнь". Обиду нужно писать на песке, чтобы ее развеяло, а добро высекать, как на камне. Если тебе кто-то сделал добро – запомни это, а когда ты сделал добро - это забудь».

Будучи в Ташкенте, батюшка услышал такую характеристику мобильного телефона — «шайтан-машинка». «Верно подметили узбеки, — смеется о. Валериан, — мобильный телефон хорош, но отключается иногда в самое неподходящее время».

Побывал отец Валериан даже на Чукотке. «Святейший всколыхнул тамошнюю паству, и на эту горстку земли нужно было сеять. За восемь дней — двадцать четыре выступления. В разных структурах. Я только заканчиваю — "батюшка, теперь там". Толь-

ко закончил – "батюшка, теперь туда". Так Господь совершает спасение наше. Никогда не падайте духом, никогда не унывайте».

«Самое главное — это спасение души. Его можно достичь только очищением от грехов. А грехи прощает Господь. А прощает Он тому, кто других прощает: "и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим". Чем больше простишь, тем больше тебе простится. Поэтому надо радоваться, когда тебя кто-то оскорбляет, — есть возможность его простить. Кто нас корит, тот добром дарит. Духовным добром».

Как говорил о. Иоанн (Крестьянкин): с точки зрения духовной, если ты страдаешь телесно либо душевно от какой-либо несправедливости, то обрати внимание — страдает весь мир, страдают все в разной степени. Страданий нам не избежать, но нужно учиться страдать достойно и одухотворенно. В мире больше страдают лучшие люди, поэтому если ты страдаешь, то ты причислен к числу лучших людей. Ты сподобился страдать. К примеру, на войне — кому дается самое сложное задание? Самому достойному и надежному человеку.

Отец Валериан продолжает: «Сейчас такое время — все руководят. На вакансию инженера — девять человек, а на руководителя — триста. Кто не умеет делать, тот учит, как нужно делать. А кто не умеет учить, тот учит, как нужно учить. Старайтесь так жить, как Бог даст. Радуйтесь жизни. Когда человек живет, он не должен особенно думать, как на него смотрят, как о нем думают. Господь все управит».

Батюшка уже около часа стоит на сцене, не садится - привык говорить стоя. «Правда, - сетует, - спину ломит, и не только спину. Возраст никуда уже не денешь. Ни продать его, ни подарить. Нет такого бартера и денег, чтоб вернуть утраченную прыть, улыбается о. Валериан. - Я это уже проверил на себе. Но возраст – это то, что относится к телу, но не к душе. Когда человек живет с Богом, для него не только возраста нет - для него и времени-то нет. Бог вне времени и пространства. Сущность всего нашего бытия в двух основах. Это Богоявление и богослужение. Бог явил Себя в Своем творении, а творение должно служить своему Творцу. То есть от нас – богослужение. Очень важно сохранить благодать, благоговение – к храму, к богослужению, к престолу, вообще к святыне. Преемственность для священника особенно важна».

Вспомнил вдруг нелепость, сам рассмеялся и нас рассмешил. Кто-то обратился к нему с опасениями, что, мол, день рождения выпадает на Великий пост. Как же быть? «Ведь переносить нельзя — беда может случиться». На эти суеверия батюшка ответил так: «Уж если памяти святых переносятся, то нас, грешных, можно спокойно переносить на любой день. А уж если в Великий пост попадает празднование, то Сам Бог велел. Даже по церковному уставу полагается».

«Мы выросли не только в атмосфере богослужения, — отмечает батюшка. — Очень важен быт. Когда мы собирались, то пели и русские песни, и, конечно же, духовные песнопения. Псальмы они называются, стихотворения духовного содержания, переложенные на музыку. Такой пласт, а мы его сейчас не знаем совершенно».

Вместе с внучкой Лизой, которая аккомпанировала ему на рояле, о. Валериан спел духовный стих о преподобном Серафиме.

После беседы с батюшкой был просмотр нового документального фильма о нем. Красивые съемки знаменательных для батюшки мест: Акулово, Покровская церковь, припорошенная чистейшим, кристально белым снегом; красивая природа, виды с высоты птичьего полета. На протяжении всего фильма звучит хорошо подобранная классическая музыка: Вивальди, Бах. Отдельные церковные песнопения. Много добрых слов звучит с экрана в адрес батюшки от прихожан, детей, внуков:

«Батюшка всегда служит очень благоговейно, его душа пребывает в службе».

«Он себе не принадлежит. Он здесь всё. Он отец настоятель, он держит традицию».

«Родители никогда не ругались, мы даже не видели, что они были несогласны. Может, это и было, но дети не видели».

«Благодарю Бога, что Он дал мне родиться у моих родителей. И братья мои незлобивые, направлены с любовью к людям. Этому нас родители научили — доверять и любить людей. Распространяй вокруг себя любовь — и ты почувствуешь, как эта любовь будет касаться тебя, возвращаться к тебе».

Наставления самого о. Валериана, воспоминания: «Как-то выпил я водки наперсток, приехал батюшку (о. Иоанна (Крестьянкина)) причащать, все приготовил. Отец Иоанн выходит, говорит: "Я не буду причащаться, мне нельзя, я водки напился". Я все понял: "Батюшка, простите, это я сделал". Батюшка причастился, но мне был урок на всю жизнь».

«Никто ничего не сможет сделать, если это не попустит Господь. Произведения человеческие — это жалкая копия того, что сотворил Бог».

«Неоценимое качество России в том, что она выживает в любых условиях. Несмотря на санкции».

«Что нельзя отнять? Мастерство, умение. Но этому надо учиться. Чем больше человек знает, тем более он независим и может помочь другим».

А закончить свой рассказ о вечере мне хотелось бы следующими словами о. Валериана: «То, что называют любовью, - это некое подобие. Греки над этим задумались, поэтому у них три названия любви: эрос, филео и агапе. Страстная, дружеская и жертвенная. Любовь не может жить в себе, она должна на кого-то изливаться. Человек несчастен, если у него самого нет любви. Не оттого, что его никто не любит, а оттого, что он сам никого не любит. Как сказал св. Иустин Попович: "Любовь к человеку без любви Божией есть самолюбие, а любовь к Богу без любви к человеку есть самообман"».

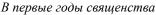
Любовь не ищет своего и никогда не перестает...

Об авторе. Анна Алексеевна Андреева сейчас руководит издательским отделом храма свт. Николая на Берсеневке. И еще, по милости Божией, как говорит сама, пишет иконы. В «Лампаде» печатается впервые.

Письма надежды, веры и любви

наш электронный век, когда даже сердца человеческие выглядят порой оцифрованными, так не хватает тепла, искренности, подлинной любви, терпения, смирения, веры. Но Господь открывает нам удивительные примеры жизни священников-исповедников, чей опыт, духовная мудрость, внутренняя красота, чистота семейных отношений учат нас любить, преодолевать и претерпевать трудности, не впадать в депрессии, сопереживать, радоваться, надеяться и за все благодарить Бога.

Ирина Янсон скоро станет Трубецкой

Для меня таким примером стала судьба рижского протоиерея Николая Трубецкого и его семьи. Батюшка родился в 1907 году в Двинском уезде и вырос в атмосфере глубоко религиозных чувств и веры в Бога. Получив богословское образование, в 1936 году был рукоположен во иерея, служил в разных храмах Латвии, главным образом в Риге. В 1935 году обвенчался с Ириной Янсон, дочерью известного рижского протоиерея Иоанна Янсона. Они являют нам, сегодняшним, образец подлинно христианской супружеской любви.

В 1944 году отец Николай был арестован НКВД по ложному обвинению в предательстве, его отправили в Северо-Печорские лагеря на десять лет. У них уже было трое детей, младшей, Иларии, исполнилось лишь три дня от роду. Как супруга священника и «предателя», матушка Ирина оказалась вне закона. Заботы о детях, о больном отце, о доме полностью легли на нее. Письма батюшки из заключения были единственной ее опорой, которая стоила многих иных материальных благ. Первую весточку она получила 9 сентября 1945 года, че-

ность написать тебе с далекого Севера, с Печоры... Здесь, в лагере, я буду работать в больничной конторе на должности статистика-секретаря. Все мои мысли, все чувства, вся моя душа пребывают неразлучно с тобою, с детишками и родными. Страшно болею за вас душой и сердцем, ничего не ведая о вашей судьбе. Напиши мне подробно о детках и о всех.

Далее переписка между супругами стала более-менее регулярной, но через семь лет, в 1951 году, отцу Николаю почему-то запретили писать более двух писем в год. Для заключенных это было суровым наказанием, от которого страдали и их близкие на воле, мучаясь неведением. А чтобы впасть в немилость перед начальством, достаточно было маленькой оплошности: опоздал к поверке, не так заправил постель... Но из писем о. Николая об этом не узнать, и не из-за лагерной цензуры: его внутренний цензор не позволял тревожить любимых людей.

...Обо мне не беспокойтесь. Я нахожусь в хороших условиях. Все жуткое – позади. Правда, приходится весьма много работать, но работа канцелярская,

Треугольники — конверты не только фронтовые, но и лагерные

рез одиннадцать месяцев после ареста.

Незабвенная, милая Иринушка, радость моя! Наконец, по милости Божией, я имею в о з м о ж -

на которой я сижу вот уж два месяца, работая с 6-7 до 20 час. Осень у нас, по рассказам старожилов, небывалая, теплая. Сейчас период дождей, которые идут уже несколько дней подряд, небо заволоклось тучами, а кругом необъятная, непроходимая тайга. Климат дает себя чувствовать, но я пока, слава Богу, здоров... Итак, моя дорогая Иринушка, ради деток наших и ради меня береги и оберегай себя, не тужи обо мне, а молись с детками за меня, верь и надейся, что мы снова встретимся и еще увидим счастье в нашей семейной жизни. Мысленно обнимаю и целую тебя, деток, Фатера и О.М. Да хранит вас всех Господь по молитвам Богородииы. Молитесь!.. (15.10.1945 г.).

...Напрасно ты, милая, волнуешься и беспокоишься о моем здоровье. Я здесь силен и крепок. Живу в самых лучших условиях, какие только можно представить в лагере, ибо таких счастливцев, по лагерным понятиям, очень и очень немного. Дай, Боже, чтобы мое положение не изменилось бы к худшему!.. (17.03.1946 г.).

Если не знать обратного адреса автора этих писем, никогда не подумать, что они посланы из лагеря НКВД!

Моя милая Иринушка! Пишу тебе наспех. Я жив-здоров... Работаю в санчасти и исполняю ту же работу, что и раньше, в прежние годы в Печоре и Инте. Со мною отец Константин Шаховский... С отъездом из Инты я пока не имею от тебя известий, но письма и посылки, адресованные на старое место, будут присланы на днях сюда, так что жду этого как

манны. Если соберешь пакетик (разрешают высылать только пакетики), то пришли пару блокнотов, простых карандашей и пару потрепанных книг, желательно томик Пушкина и Достоевского «Бесы». Пиши мне чаще. Хочу все знать, как там, все ли у вас в порядке? Жив ли папа? Как детишки? Пиши, всем кланяйся. Да хранит вас Господь и Пресвятая Богородица! (26.02.1950 г.).

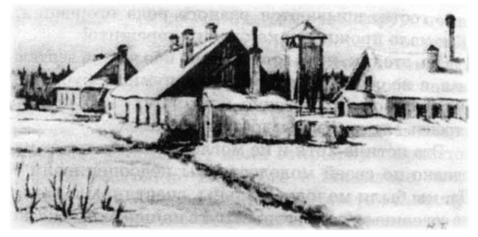
...С грустью задумываюсь над твоим мимолетным замечанием о том, что если бы позволяло здоровье О.М., то ты пошла бы на службу. Понимаю, почему на все мои просьбы сообщить о вашем материальном положении – ты упорно молчала. Единственно, что я могу тебе на это сказать: если есть еще какие-то имущественные ресурсы, продай, ничего не жалея, ибо по своему здоровью ты не вынесешь никакой работы или службы... Крепко, крепко целую тебя, моя голубушка-Цыпинька. Целуй от меня детушек, О.М. и Фатера. Да сохранит всех вас Господь! (17.03.1946 г.).

...С большим напряжением я всегда вчитываюсь в каждое слово твоего письма, причем за последнее время почти в каждом письме очень многое вычеркнуто, так что не все и разобрать можно, но пусть это тебя не смущает, ты по-прежнему пиши мне обо всем, ибо это единственная связь, которую я имею... Ты никогда не пишешь о своем здоровье, но по догадкам чувствую, что лгать мне не хочешь, а хвалиться, видимо, нечем, не говоря уже о нервах как следствии всех жизненных перипетий... (10.10.1950 г.).

В зеркале человек видит только свое отражение. В письме виден не только автор. Внимательному сердцу как бы откроется и адресат: чем он живет, что чувствует, на что надеется...

...19/VI получил твое письмо и бандероль, пять газет латышских и две русских. В письме был конверт, открытка, а также цветочек черемухи. На прошлой неделе получил письмо от Коти (дочь о. Николая. – Н. Π .), в котором также была почтовая открытка и подснежник. Не имею слов, чтобы выразить радость и благодарность за такую нежную заботу обо мне. Получая в среднем каждую неделю письмо от тебя, я спокойно, в полном душевном равновесии тяну лямку своего существования и укрепляюсь в вере в светлое будущее наших семейных уз, будучи уверен, что никакая сила не сможет их ослабить или порвать... Все мои мысли, все помышления о тебе, моя добрая, милая, о наших детках, о старцах. Радуюсь за деток, имеющих возможность копошиться в садике. Интересно, каких размеров садик и чем засеян. Представляю, какой галдеж бывает в нем во время поливки!.. О, как бы я хотел сейчас войти в детский святой мир и хотя бы на мгновение забыться от пошлой, лукавой, звероподобной действительности, в которой приходится находиться здесь. Глубоко верю, что не навсегда лишил меня Господь этого счастья... (25.06.1946 г.).

...Новостей у меня нет. Живу мыслями о будущем, воспоминаниями о прошлом, в полном согласии с моими спутниками и друзьями — Верой и Надеждой... Вот так и бегут дни за днями,

А вот и сам лагерь. Этот рисунок отец Николай послал жене. Возможно, именно в этом письме он сообщал: «Я живу в хороших условиях»

Отец Николай Трубецкой. Автопортрет. Коми АССР, лагерь. 1952 год

год за годом, однако это меня все же не приводит в уныние, но еще более укрепляет в надежде, ибо я с полной уверенностью считаю, что все было не случайно, не напрасно: все это даст впоследствии плоды, ибо все совершается по воле Божией, по плану, начертанному Его перстом. Так, и только так, и ты смотри на нашу столь долгую разлуку, верь и надейся... (03.10.1948 г.).

Милая, славная Цыпинька, Фатер, Ольга Михайловна, детки!

...В 10 часов вечера, мне неожиданно принесли твои, Иринушка, две открытки и письмо с рисунками Коточка, твоей фотографией и маркой. Вверху письма какая-то приписка была выскоблена. Я был так взволнован вестями от тебя, собственноручной припиской моего милого, родного Фатера, снимком, рисунком Коточка и тесно связанными со всем этим нахлынувшими воспоминаниями, что не мог удержаться от слез... Но и сейчас трудно писать, так как мысли мои все время уносятся к вам и переносятся в обстановку домашнего уюта, к елке... О Боже, призри на мя и помилуй мя! Сердце болит и разрывается... Знаю, знаю, что нужно и должно нести крест, а потому, хотя и слишком тяжел он, но понесу его до конечной цели и молю дать мне силы донести его... (24.12.1945 г.).

У архимандрита Иоанна Маслова есть такие строки: «Тяжесть креста согревает и зажигает пламенем благодати наше сердце. Крест Христов — слава наша, похвала наша, победное знамя наше». Такое впечатление, что он написал их после знакомства с протоиереем Николаем Трубецким.

Вот и снова день, яркий, солнечный, 27 марта, который так же быстро пролетит, как и предыдущие. С каждым часом мы продвигаемся к Вечности, где нет ни печали, ни воздыхания... Ты, моя родная, не обращай внимания на часто траурный тон моих писем. Это так, случайно всё. На самом же деле я не потерял и не теряю жизнерадостности, оптимизма и пр. Ведь я не забываю, что я христианин и служитель алтаря,

и всегда твержу молитву: «...дух уныния не даждь ми...». Крепко, крепко целую наших милых детишек и тебя, моя милая Иринушка (27.03.1946 г.).

...Испытание за испытанием посылает Господь нам, слабым и немощным... Перестало биться еще одно любяшее всех и за всех всегда болевшее сердце... Осиротели наши бедные детки, и никто и никогда не заменит им доброй, любимой «бабиньки»... Не имею сил выразить словом мое душевное состояние, в котором я пребываю с момента получения этой печальной вести... Но возложим на Господа печаль нашу, и да утешит Он нас, а мы с тобою, чтобы быть достойными Его утешения, перенесем этот удар мужественно, безропотно, прося Его прибавить нам сил и веры для преодоления скорбей наших. Ей, Господи, да будут уши Твои внемлюще гласу моления нашего! (21.07.1946 г., по поводу кончины тещи Ольги Михайловны. – Н. П.).

Как кому, но мне кажется, эти письма — прямо-таки учебник жизни для нас, немощных.

Сегодня день Вознесения и первый день долгожданной нами весны... Северная весна вступает в свои законные права... Но ни теплота, ни ласковость весны не приносят радости. Осколки воспоминаний о далеком, канувшем в вечность прошлом, грустные думы о неизвестном будущем, разбитые заветные мечты и страшная, суровая действительность медленного умирания в неволе за проволокой, как ядовитые черви, точат душу и впиваются в сердце... Ноша семилетних

Чета Трубецких. Спецпоселение. 1954 год

скитаний по тюрьмам и лагерям, со всеми физическими страданиями и моральными пытками, неумолимо давит все своей тяжестью. Подчас начинаешь терять равновесие духа; в борьбе с жестокой судьбой опускаются руки... Но... тускнеющий взор все же бодрствует в этой непросветной тьме и ищет спасительной опоры. И происходит постоянное чудо. Вдруг перед ослабевающим сознанием яркой молнией вспыхивает реальный образ того смиренно-величественного Маяка, которого «врата ада» никогда не одолеют... Тогда душа начинает наполняться животворящей силой, сердце – любовью. Жизнь начинает приобретать свой великий смысл. Делается все ясно, светло. Появляется неудержимая энергия жить ради Правды, Добра и Истины (07.06.1951 г.).

Но грешно огорчаться своей судьбой, ибо без воли Божией и волос с головы человеческой не падет. Если наше супружеское счастье разбито несчастьем, то мы еще не все потеряли... у нас еще остались обломки счастья, и из этих обломков мы, с помощью Божией, создадим новое, еще более драгоценное, чем было, подобно тому как искусный мастер из потемневших от времени обломков какого-то сосуда неожиданно воссоздает античную вазу, оказывающуюся шедевром искусства. Правда, мы с тобою с каждым годом стареем и слабеем. Но что ж из того? Ведь вера у нас сильна, сердца у нас еще достаточно горячи, души и совесть чисты, мысли и помышления едины, честь не поругана. Дети наши

воспитанны, прилежны, разумны, здоровы; наши достопочтенны, а разве это не элементы, из которых слагается семейное счастье? И, к завершению всего. остается один год до нашей встречи. И этот год пролетит так же мимолетно, незаметно, как и предыдущие. И начнем мы с тобою созидать и восстанавливать семейное счастье в союзе мира и любви, на прочном фундаменте веры в помошь Божию, имея креп-

кой оградой упования покров Богородицы... (20.10.1953 г.).

...О себе, моя Цыпинька, ты всегда пишешь очень мало. Как твое здоровье и самочувствие? Твои вопросы о возможности свидания со мною нереальны. Пока забудь и не думай об этом. Ведь если мы восемь лет жили надеждою встретиться, то неужели у нас не хватит терпения и еще на один год? Думаю, что да!.. (21.10.1953 г.).

В 1953 году вышел приказ об амнистии многих заключенных, это дало надежду семье Трубецких на скорое воссоединение.

По мере приближения конца срока уже начинаю отсчитывать не годы и месяцы, а дни... Погода у нас делается весенней. Уже несколько дней стоит оттепель... К концу мая начнет зеленеть травка, а там... там что Бог даст! (05.04.1953 г.).

Уношусь мыслями в прошлое нашей молодости. Вспоминаю лето на даче в Лиелупе в 1935 году... Затем встают картины первых шагов супружеского счастья, в которое сразу же, как непрошенные гости, врываются разного рода огорчения... как мало прожито и как много пережито!..

Да, мы были молоды, сильны, счастливы и радостно совершали совместный путь нашей супружеской жизни, точно по цветущему благоухающему лугу, по лесной опушке...

Но вот нас неожиданно настигла на этом пути страшная буря ... Все мгновенно почернело ... Под оглушительные раскаты грома на нас полились потоки ливня, посыпался град, страшными по-

рывами ветра нас сбило с ног; мы потеряли друг друга... но... не растерялись, а из последних сил перекликались, ободряя друг друга... И вот уже начинает на горизонте светлеть. Разразившаяся туча начинает проходить... Еще чуть-чуть терпения — и блеснет луч солнца, и мы, встретясь друг с другом, пойдем дальше и снова будем наслаждаться прелестью освеженной природы и жизни... (14.12.1953 г.).

Однако Господь уготовал им иной удел. Отец Николай освободился, но ему было запрещено выезжать за пределы Коми АССР. Ирине Янсон разрешили всего два кратких свидания с мужем.

...Итак, сегодня исполнилось ровно 10 лет нашей разлуки. Сейчас ровно 6 часов вечера. В этот час я покинул дом, семью, свободу, родину, церковь, родных, друзей и все, все... Господи, неужели Ты не вернешь мне то, что у меня отняли за то, что я был не их, а Твой раб? Верю, Господи, что страдания кончились... (г. Печора, ссылка, 20.10.1954 г.).

Из письма жене: Люблю грустить я одиноко ночной порой,

вдали от суеты мирской, не грустью чернеца иль удальца, но узника суровой тундры, мертвенно унылой.

И слушать я люблю пурги лихой протяжный и надрывный вой, как панихиды песнь,

как безутешный вопль над свежею могилой...

Люблю тогда я пить нектар благих воспоминаний о былом и в час тот презирать и ненавидеть мир сей злой, постылый. И, как в дремоте перед сном, как в опьянении вином.

Люблю ловить я образ твой, моя супруга, друг мой милый! Ты с нежной, неземной душой: скромна, грустна и молчалива. В твоих глазах, в твоих чертах

невзгоды роковой судьбы... Тяжелый крест несешь ты терпеливо, но поступь у тебя тверда,

отражены

нетороплива. Ты ждешь меня домой... О жизни лучшей и иной твои мечты, мольбы... (22.05.1948 г).

Бесконечно радуюсь и всегда благодарю Бога, что Он мне дал в спутницы жизни именно тебя, моя милая Иринушка, намного и много превосходящую меня, слабого в силе духа и терпения... Несколько раз я пытался сжечь твои письма, но не могу осилить себя и расстаться с ними, ибо это единственное богатство, которым я еще владею. Верь, верь, моя родная, и ни на минуту не сомневайся и в моей вере в наше светлое, счастливое будущее. Мы с тобой еще раз должны испытать счастье и насладиться им в избытке, в тихом семейном уюте, в окружении любимых чад наших и дорогих сердцу нашему любимых старичков наших и друзей наших. Этой верой я живу и черпаю отсюда для себя силы... (25.05.1946 г.).

И вот, наконец, такие долгожданные, такие желанные слова:

«Приезжаю шесть двадцать вечера. Вагон 8. Коля». 26.11.1956 г. (Телеграмма).

После освобождения и возвращения в Ригу протоиерей Николай Трубецкой служил настоятелем в храме Нерукотворного образа Господа Иисуса Христа. Умер он 18 марта 1978 года. Его супруга пережила мужа всего на полгода. Она отошла ко Господу 2 октября. За многие безропотные страдания здесь, на земле, Спаситель дал ей смерть «непостыдну и мирну». Она умерла тихо и безболезненно.

А закончить хочется словами игумена Никона (Воробьева): «Постоянные успехи могут погубить духовного человека, поэтому Промысл Божий вынужден посылать нам всякие испытания, неудачи, скорби, болезни и проч., чтобы человек на тысячах примеров познал свою немощь и отдался всецело в руки Божии, а не на себя надеялся».

Публикацию подготовила Наталия Прохорова

Письма о. Николая Трубецкого воспроизводятся по книге «"Дух уныния не даждь ми...". Письма священника из заключения». Автор-составитель О.А. Ветелева. Издательство «Артос-Медиа», Москва, 2007. Орфография писем сохранена.

После заключения. Дома

Никодим, Илария и Ирина Трубецкие у могилы мамы. Рига

Храм Спиридона Тримифунтского на Козьем болоте

Церковь святителя Спиридона, епископа Тримифунтского, на Козьем болоте

ным и весьма полезным Божиим тварям – козам.

азвание местности «Козье болото» хоть и не ласкает слух изысканной благозвучностью, но происхождением своим обязано вполне добропорядоч-

А теперь на этом месте «красуется» жилой дом треста «Теплобетон». Людям где-то жить, конечно, надо, но зачем для этого уничтожать храмы?

До второй половины XVI века район этот считался ближним северозападным московским пригородом. Особой живописностью не отличался. По некоторым свидетельствам иноземных гостей, здешние заболоченные пустоши облюбовали дикие козы. Однако соседство растущего стольного града нарушило идиллию естественного пастбища и вовлекло животных в хозяйственный оборот. Предприимчивые москвичи приручили коз и занялись их разведением на регулярной основе. Вскоре на угодьях Козьего болота образовалась Патриаршая слобода, откуда стали поставлять дорогую шерсть, качественное молоко и рыбу, разводимую в местных прудах. Обновленная и облагороженная местность получила название Козиха.

В первые годы правления новой династии Романовых в Патриаршей слободе появляется деревянная церковь, освященная во имя святителя Спиридона, епископа Тримифунтского, а в 1633—1639 годах по указу патриарха Филарета вместо нее возводится каменная. Главный престол освятили в

честь Рождества Пресвятой Богородицы, а приделы - во имя святителя Николая Чудотворца и святителя Спиридона. Особо почитаемой святыней был чудотворный образ Святителя с частицами его мощей. При Петре Великом, в 1717 году, был устроен еще придел – во имя первоверховных апостолов Петра и Павла, а спустя столетие вся церковь была перестроена и Спиридоньевский придел освятили уже в новой трапезной. То был не «строительный зуд», коим нередко грешат наши современники, - изменился весь облик местности: она стала обретать черты престижного, благополучного района Москвы.

За три века своей жизни Спиридоньевская церковь стала свидетельницей многих исторических событий, важных для России. Участвовать в них выпало и на ее долю. В трагические дни июля 1918 года, после того как было получено известие о расстреле императора Николая II и его семьи, преданные царю монархисты открыто отслужили в Спиридоньевской церкви заупокойную обедню. На ней присутствовали бывшие придворные, государственные чиновники, деятели культуры, оппозиционные политики. Как вспоминал один из участников, тогда еще не боялись столь искренне выражать свои чувства и отношение к жизни — настоящий красный террор начался только в сентябре.

В 1930 году храм Спиридона Тримифунтского на Козихе был уничтожен. Религией новой, атеистической власти был научно-технический прогресс, и в его топку безжалостно бросали все, что было связано с традиционной, классической Россией. В 1932-1934 годах точно на месте Спиридоньевской церкви выстроили большой серый жилой дом треста «Теплобетон» в стиле конструктивизма. Строительным материалом для этого экспериментального здания послужила технологическая новинка - теплобетон, то есть бетон с теплопроводным наполнением. Дом украсили барельефом с надписью «Техника – Искусство – Наука» и заселили передовыми учеными.

К сему: ваш Архивариус

Остров Корфу, где в городе Керкиру в храме святителя Спиридона покоятся его мощи. Фото Екатерины Ольховой

вятой Спиридон жил в Греции в конце III — первой половине IV века. Он родился на острове Кипр, имел семью и в ранней молодости был пастухом. Кстати, не с этим ли связан выбор святого для главной церкви Патриаршей слободы на Козьем болоте в Москве? И, конечно, именно профессия пастуха определила такую существенную деталь иконографии святого Спиридона, как пастушья шапка, в которой его чаще всего изображают на иконах.

С ранней юности душа будущего подвижника была обращена к Богу: большую часть своих заработков он раздавал беднякам и странникам, за что обрел от Бога чудесный дар исцелять неизлечимых больных и изгонять бесов. Когда Спиридон овдовел, его избрали епископом города Тримифунта (это произошло в правление императора Константина Великого). В 325 году Святитель прибыл на I Вселенский Собор, принявший в первой редакции Символ веры, осудивший ересь Ария (тот считал Иисуса Христа творением Бога и отрицал за Ним нетварное достоинство Бога-Сына) и определивший время празднования Воскресения Христова (Пасхи).

Святитель Спиридон много трудился над созданием и проповедью право-

славной догматики, особенно вероучения о Святой Троице. На заседании I Вселенского Собора он вступил в диспут с греческим философом – приверженцем арианской ереси и сумел убедить его в истинности православия так, что тот даже принял Святое Крещение. Известно, что святитель Спиридон для доказательства истины взял в руку обыкновенный глиняный кирпич (в старину называвшийся плинфой) и стиснул его: чудесным образом из кир-

пича моментально вспыхнуло и взметнулось пламя, вниз потекла вода, а в руках Святого осталась глина. «Се три стихии, а плинфа одна. Так и в Пресвятой Троице – Три Лица, а Божество Едино», – молвил он. В память об этом событии на некоторых иконах святителя Спиридона изображают с плинфой в руке.

Чудеса сопровождали жизнь епископа Спиридона. Когда однажды Святитель служил с диаконами в пустой церкви, внезапно зазвучал невидимый хор, «сладкоголосее всякого пения человеческого», и этот хор слышали люди на улице, убежденные в том, что церковь в этот момент переполнена молящимися. Этот и другие чудесные эпизоды из жития Святого запечатлены в тропаре, который поют в его честь. Однако и после блаженной его кончины чудеса не прекращаются. Так, например, тапочки Святого в раке с его мощами очень быстро оказываются изношенными, а стоптать обувь, как известно, можно, только когда ты в ней ходишь. На их место кладут новые, и через какое-то время все повторяется.

Меня удивляет, почему в Москве была только одна церковь в честь святителя Спиридона, одного из самых почитаемых на Руси святых.

Вадим Рутковский <u>Памятные адреса</u>

Спиридоньевская улица

в соответствии с заведенной на Руси традицией храм в честь святителя Спиридона Тримифунтского дал и название улице, на которой он стоял. Так на карте Москвы появилась Спиридоньевская улица (в речевом обиходе — Спиридоновка) — тихая и очень элегантная, соперничающая по красоте архитектуры с Арбатом и Пречистенкой, знаменитая своими прошлыми обитателями, которые оставили заметный след в истории и культуре России.

На противоположной стороне от точки, где находилась Спиридоньевская церковь, ныне стоит интересный дом № 17 (о нем мы расскажем чуть позже), построенный на месте старой московской усадьбы, принадлежавшей талантливому поэту и баснописцу Ивану Ивановичу Дмитриеву — старинному другу историка Н.М. Карамзина. Карамзин был дальним родственником Дмитриева и собратом по литературному творчеству. Дружили они так душевно, что Дмитриев, услыхав про поэтическую книгу Карамзина «Мои безделки», вскоре выпустил свой ответ коллеге — «И мои безделки». В первой четверти XIX века Иван Иванович считался самым маститым русским баснописцем, очень ценились и его сатирические драмы, а песня на стихи «Стонет сизый голубочек…» стала поистине народной.

Перед Дмитриевым благоговел другой его близкий приятель – поэт князь Петр Андреевич Вяземский. Он посвятил дому Дмитриева на Спиридоновке свои восторженные вирши:

Я помню этот дом, я помню этот сад: Хозяин их всегда гостям своим был рад, И ждали каждого, с радушьем теплой встречи, Улыбка светлая и прелесть умной речи. Он в свете был министр, а у себя поэт, Отрекшийся от всех соблазнов и сует; Пред старшими был горд заслуженным почетом: Он шел прямым путем и вывел честным счетом Итог своих чинов и почестей своих.

А книгоиздатель П.И. Бартенев посвятил дому Дмитриева такие строки: «В Москве, на Спиридоновке, близ Тверского бульвара и Патриарших прудов, то есть в той части города, где по преимуществу живут люди, принадлежащие к достаточному и образованному сословию, где тишина и нет суетливой торговли, возвышался до нынешней осени, среди обширного сада, большой дом поэта и министра юстиции Ивана Ивановича Дмитриева. Он сам его выстроил в 1814 году, вышедши в отставку и поселившись в Москве, и сам насадил вокруг прекрасный сад, из которого, еще в наши дни, раздавалось по окрестностям соловьиное пение. Даже за два дня до кончины своей И.И. Дмитриев (умер 3 октября 1837 года) сажал акации возле кухни, чтобы заслонить ее с проезду... Дом Дмитриева был деревянный, построенный из стоячих бревен, скрепленных железными обручами. Про него можно было сказать, что он был "приют, сияньем муз согретый".

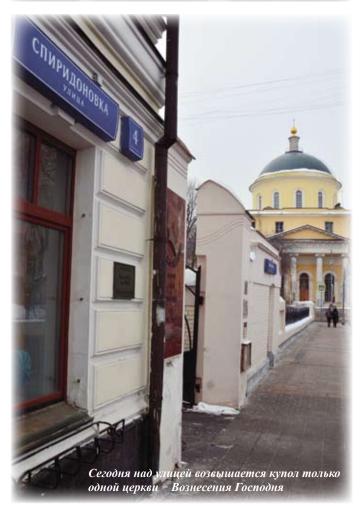
У И.И. Дмитриева собирались в этом доме представители ума, словесности и просвещения, профессора и академики – словом, вся пишущая братия».

Практически постоянными гостями Дмитриева на Спиридоновке были первые звезды русской литературы - Пушкин, Баратынский, Батюшков, Жуковский, Гоголь, упомянутые выше Карамзин и Вяземский. Был ли кто-нибудь из этой яркой когорты литераторов прихожанином Спиридоньевской церкви? Сейчас ответить на этот вопрос сложно - прямых данных об этом нет. Конечно, хочется верить в то, что Иван Иванович Дмитриев хотя бы эпизодически бывал там – надо было просто перейти дорогу. С весьма большой долей вероятности можно предположить, что в храм на Спиридоновке заходил граф Федор Иванович Толстой (1782–1846), прозванный Американцем, – помолиться небесному покровителю рода Толстых святому Спиридону Тримифунтскому. С Американцем дружили князь Вяземский, Жуковский, Батюшков, Денис Давыдов, Чаадаев. Его колоритная персона попала в произведения Пушкина, Грибоедова, Льва Толстого. Именно через графа Федора Ивановича Толстого Александр Сергеевич Пушкин просил руки Натальи Гончаровой. Причем делал это дважды - в апреле 1829 и в апреле 1830 года. Более счастливым и результативным, как известно, оказался апрель 1830-го.

О Толстом-Американце рассказывают довольно необычную, во многом таинственную историю. В 1803 году подпоручик Федор Толстой отправляется в кругосветное путешествие на кораблях «Надежда» и «Нева» в качестве кавалера российского посольства в Японию.

В результате сложных обстоятельств, виной которых отчасти стал сам кавалер, граф Федор оказывается в далеком городе Охотске, расположенном на берегу Охотского моря. Там он задерживается на пять месяцев. В Охотске или в его окрестностях с графом происходит загадочное происшествие. По версии племянницы Американца М.Ф. Толстой (в замужестве Каменской), изложенной в ее «Воспоминаниях», «в одну темную ночь, когда он был на шаг от пропасти, ему явилось лучезарное видение святого, осадило его назад, и он был спасен. Тогда же Федор Иванович заглянул в устроенный им самим из чего-то календарь, который носил всегда при себе, и увидел число 12 декабря (а это – день памяти святителя Спиридона! – В. Р.); значит, святой, который предстал ему в видении, был не кто иной, как св<ятой> Спиридоний, патрон всех графов Толстых». Также известно, что с некоторых пор граф постоянно носил на груди «большой образ, в окладе, св<ятого> Спиридония», епископа Тримифунтского. Добраться до Спиридоньевской церкви Толстому-Американцу было несложно, ведь он жил на соседнем Арбате - московский дом Федора Ивановича располагался на углу Сивцева Вражка и Калошина переулка.

После кончины Ивана Ивановича Дмитриева земельный участок на Спиридоновке, на котором стоял его дом, поменял владельца. В апреле 1893 года его приобрел знаменитый русский предприниматель Савва Тимофеевич Морозов, пожелавший возвести на Спиридоновке дворец для своей красавицы жены Зинаиды Григорьевны Морозовой (урожденной Зиминой). Заказ на строительство морозовского особняка получил выдающийся архитектор Федор Шехтель. Проектом дворца Морозовой на Спиридоновке зодчий дебютировал как автор московских оригинальных и стильных особняков. Для работы над созданием интерьеров дворца Шехтель пригласил одаренного художника Михаила Александровича Врубеля. Особняк, построенный в англо-готическом стиле, получился необычайно роскошным и элегантным. Это и есть тот самый дом № 17, который находится точно напротив того места, где располагался храм святителя Спиридона Тримифунтского на Козихе.

Несмотря на повышенный интерес к Спиридоновке представителей делового сообщества, среди которых были не только Морозовы, но и члены других известных купеческих кланов, о ней никогда не забывали литераторы. В январе 1904-го здесь появляется Александр Блок со своей женой – Любовью Дмитриевной Менделеевой. Они поселились в доме № 6, где жили троюродный брат великого поэта Сергей Соловьев со своей тетей – Александрой Михайловной Марконет. Тетя лечилась в больнице от нервного недуга, и молодые супруги расположились в ее квартире. За время своего пребывания в Златоглавой Блок не только посещал шумные собрания московских поэтов-символистов («аргонавтов», как они себя сами называли), но также побывал в Новодевичьем и Донском монастырях. Кто знает, может быть, Александр Александрович заходил и в храм святителя Спиридона Тримифунтского. Дом, в котором Блок жил на Спиридоновке, сохранился до наших дней. На нем установлена мемориальная доска. О визите поэта в Москву также напоминает памятник неподалеку от дома № 6.

В победном 1945 году в честь советского писателя А.Н. Толстого Спиридоновку переименовали в улицу Алексея Толстого – «красного графа», как его иногда называли в СССР. С вступлением России в новую эпоху Спиридоновке вернули ее родное историческое название. И сникшая было улица вновь ожила – потихоньку проснулась, как спящая красавица после летаргического сна. Внезапно возникшие из небытия фирмы, въехавшие в старинные здания, провели их косметический ремонт. Пробудилась деловая активность. Выстроились очереди к зданию Генерального консульства Греции в Москве (Спиридоновка, дом 14), значительную долю в которых занимали паломники, направляющиеся на остров Корфу, в город Керкира, где находится храм святителя Спиридона Тримифунтского и покоятся мощи Святого. Кажется, что святой Спиридон незримо вернулся на свою улицу и молится о том, чтобы русский народ никогда больше не изменял вере своих отцов.

Сокровище словес Новые словари церковнославянского языка

одводя итоги столетия 1917—2017 применительно к жизни языка Церкви, нельзя не порадоваться возрождению старых добрых традиций его преподавания, разорванных советской властью. Настало время отметить и важнейшие достижения наших дней — труды современных лингвистов-исследователей церковнославянского языка, работающих с использованием информационных технологий XXI века. Результатом этой деятельности ныне стали два новых церковнославянско-русских словаря — для широкого круга прихожан православных храмов и для тех, кто связан с церковными книгами по роду деятельности.

Людогов-Священник Феодор ский, кандидат филологических наук, многоопытный преподаватель церковнославянского языка в духовных школах, старший научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук создал пособие на потребу современных мирян, желающих лучше понимать православное богослужение, овладеть необходимой церковной терминологией, расширить свое представление о языке Церкви, -«Церковнославянский словарик» (М.: Издательский дом «Никея», 2017). Книга включает два словаря - двуязычный «Краткий церковнославянорусский словарь» и толковый «Словарь церковных терминов» - и авторскую статью «Церковнославянский: о сложностях и открытиях в языке Православной Церкви».

Церковнославяно-русский словарь содержит около 1200 слов, необходимых для правильного понимания неизменяемых песнопений литургии

и воскресного всенощного бдения, тропарей и кондаков Пасхи, двунадесятых и великих праздников и некоторых других песнопений и молитв. Для облегчения поиска каждое слово приводится в записи средствами русской гражданской азбуки и далее в церковнославянском написании, что позволит, кстати, научиться читать тексты кириллической печати. Благодаря простоте подачи материала пользователь словаря непременно откроет для себя, что множество слов, звучащих в церковнославянском и русском языках одинаково или почти одинаково, имеют не одно и то же значение. «Наверное, найдется не так уж много общих церковнославянских и русских слов, которые совпали бы во всех своих значениях», - отмечает в этой связи о. Феодор.

В толковый словарик вошли важнейшие понятия из сферы церковной жизни; он будет полезен как новоначальным христианам, так и всем носителям

русского языка и русской культуры. Автор доходчиво объясняет термины, относящиеся к храму, священнослужителям, богослужебным предметам и облачениям, церковным службам, праздникам и постам, обращая внимание читателя на синонимичность многих слов и выражений (Богоявление – Крешение Господне – Просвещение, иерей – пресвитер - священник, навечерие - сочельник и т. д.) и на смысловую разницу, например, между викарным архиереем (викарием) и епархиальным архиереем, протоиереем и протопресвитером, архидиаконом и протодиаконом, жезлом и посохом, подрясником и подризником.

Третий раздел книги посвящен истории церковнославянского языка, его родству и взаимодействию с русским и средствам постижения богослужебного языка. Овладеть им — значит научиться не только читать и понимать церковнославянские тексты, но и слушать и понимать, что, пожалуй, еще труднее. Правильное восприятие на слух, естественно, весьма «зависит от чтецов и певцов: от их дикции, голосовых данных, а также — это крайне важно — от того, понимают ли они сами то, что читают и поют».

В числе рекомендуемых о. Феодором Людоговским изданий — «Большой словарь церковнославянского языка Нового времени» (под ред.

кадило кадило — воскурение ладана, каждение. *Ср.* кандило.

кадильница кадильница — кадило.

КАКО Ка́КW — КаК (вопр. слово; союзы — ЯКО в 1 знач., ЯКОЖЕ). **КАМЕНЬ** Ка́МЕНЬ — камень (в ряде текстов используется как метафорическое обозначение Христа).

КАМО К \acute{a} М \acute{w} — куда (вопр. слово; союз — АМОЖЕ).

кандило кандило — лампада. Ср. кадило, кадильница.

кимвали к \mathring{v} мв \mathring{a} ли (Mн. v.) — древний музыкальный инструмент, сходный с современными тарелками (cм. mж. в кимвалех восклицания).

А.Г. Кравецкого, А.А. Плетневой. Том І. А – Б. М.: Словари XXI века, 2016), плод многолетних трудов авторского коллектива, к которому сам батюшка принадлежит с момента зарождения проекта.

Издание 1-го тома осуществилось силами Научного центра по изучению церковнославянского языка Института русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук. 12 сотрудников (включая автора этих строк) трудились над томом 8 лет. Но по-настоящему полный, подробный словарь не был бы таковым без огромной предварительной работы по созданию базы для компьютерной обработки церковнославянских текстов. Эту миссию выполнили энтузиасты, объединившиеся в 2000 году в «Сообщество славянской типографики». Составители «Большого словаря» освоили новые технологии, которые позволяют черпать необходимый материал из электронного корпуса оцифрованных богослужебных и других церковных книг, извлекать из массы текстов слова и словосочетания. В результате появился словарь современного церковнославянского языка (являющегося, как известно, богослужебным языком целого ряда славянских православных Церквей), не имеющий аналогов в России и за рубежом, вполне оправдывающий свое название и адресованный как церковнослужителям, чтецам и певчим, так и филологам, историкам, преподавателям церковнославянского языка, студентам и широкому кругу прихожан, склонных к самообразованию

Первый том содержит более 1800 словарных статей - все слова, начинающиеся на буквы A (a3) и E (буки) и употребляемые в богослужебных книгах, в том числе имена собственные (христианские, библейские и прочие имена людей, географические названия). Высокочастотная (например, Бог, Божий, Богородица, благодать) и редкая лексика (ср. Боговладычица – о Богородице, Богопра́отец – прародитель Иисуса Христа по плоти, благодерзнутие - мужество, твердость духа, благослышание - хороший слух и т. д.) описывается по единым принципам, иллюстрируется достаточно подробными цитатами из церковнославянских текстов со ссылками на источники. Для облегчения поиска заглавные слова приводятся с раскрытыми титлами; рядом в скобках даются все варианты написания данного слова в текстах - читатель получает своего рода орфографический справочник.

Словарные статьи «Большого словаря» содержат также устойчивые и фразеологические словосочетания с переводами и комментариями. Правильное понимание таких сочетаний часто бывает затруднительно, если исходить только из более или менее известных русскоязычным православным христианам значений слов, образующих сочетание. Дело в том, что в церковных песнопениях (поэтических текстах, переведенных с греческого языка или созданных на славянской почве) активно использу-

ются скрытые цитаты из Священного Писания и богословские формулы. Приведем лишь несколько примеров. В статье Безсмертный читатель найдет объяснения, что Безсмертный Делатель - о Боге, Который возделывает мир, безсмертное воинство - об ангелах, безсмертный источник - источник, дающий бессмертие, безсмертный сад – райский сад. В необходимых случаях толкования сопровождаются примечаниями ссылками на Писание: Безсмертный Жених - о Боге; аллюзия к евангельской притче о десяти девах (Мф. 25:1-13). Особо интересны в этой связи словосочетания с именами библейских персонажей: брада Аароня - борода Аарона - упоминается в связи с миропомазанием Аарона Моисеем (Исх. 29:7; 40:13; восходит к Пс. 132:2).

Пользователей «Большого словаря» ждет множество открытий. Так, задавшись вопросом, поставленным древними византийскими гимнографами: «Что Тя наречем, о Благодатная?» (богородичен первого часа), - помимо содержащихся в стихе ответов Небо, Рай, Деву, Чистую Матерь, мы обнаруживаем великое разнообразие других наименований Божией Матери, в том числе Агница, Нескверная / Непорочная Агница, Адамова Дщи, Адамово Воззвание (последнее слово в церковнославянском языке имеет значение «возрождение, восстановление»), алчущих Кормительница / Питательница, Амвросия, апостолов Удобрение (т. е. Украшение),

Багряни́ца, Безму́жная Дева / Мати, Надежда безнаде́жным, Безневестная, Богому́жная (т. е. родившая Богочеловека) Богородительница, Богоневеста, Богоотрокови́ца...

Работа над словарем продолжается. Ныне готовится к печати 2-й том (B – ве́ди). Приобрести издания, о которых шла речь выше, можно в интернетмагазинах.

КЛАГОЧИНІ (БІГОЧІНІЕ, БЛАГОЧІНІЕ), БЛАГОЧІНІМ С. ПОРЯДОК, БЛАГОУСТРОЙСТВО, ДОБРОЕ УСТРОЕНИЕ: (ВЩИХЯ РАЗВМЕНІЕ ОЎЛЬНІЛЯ ЁТН, ІВЕТЛИ ІКАЗВЯ Й МВДРЕ ПОВІВДАМ, ЁЖЕ ВЯ (ВЩИХЯ БІГОЧІНІЕ ТВОРА ЕЙТОВІВДАМ, ЁЖЕ ВЯ СВЕЛ, 4 СТХ ХВ; ЦЕРКОВНОЕ БЛАГОЧІНІЕ ОЎКРАТІЛЯ ЁТН: ВЯ НІХЯ БО, ЎГЕ, ЖИВОПИТАЛЯ ЁТН ЗРАЧНЫМ ЎБРАЗЫ ГАВСТВЕННО... ЙМИЖЕ ТАЙНОВОДМТІМ, Й ПРОІВІВЦІЙОТІМ ВІЙ ВІВРНЫХЯ, БГОМВДРЕ, ГОБОРЫ ТПУ ЕЙКОФЦІ́СУ М 3 ОКТ. ДИОНИСИЯ АРЕОПАГИТА, УТР, К 4-1.

Блины из преисподней

сидела в автобусе на белгородском автовокзале, ожидая отправления. На порог поднялись две старушки. Я, было, обрадовалась: то мои давние знакомые, с которыми не видалась уже несколько лет, прихожанки одного из сельских приходов.

- Мест нет, объявил водитель, только по билетам.
- Вот блин! в сердцах произнесла одна из бабулек.

Молодежь в автобусе грохнула со смеху: «Вот это бабка! Наш человек!». Мне стало стыдно. Хорошо хоть, они не успели заметить меня.

Да, слово «блин» давно приобрело второе значение и именно в этом смысле оно сегодня на устах у всех - у молодежи, у детсадовских детей, у школьных учителей, у стариков. Оно уже стало почти нормой русского языка. Но это лишь один из многих показателей того, насколько больно наше общество, наш народ, наша когда-то святая Русь. Задумываемся ли мы, разбрасываясь «блинами» и прочими эвфемизмами вроде «задолбали», «заколебали» и т. п., взамен чего произносим мы эти чуть прикрытые прозрачной одежкой бесстыдные слова? И так ли безобидно их употреблять? Ведь за ними скрыто то, что на Руси издревле называлось сквернословием. А слово «скверна» словарь В.И. Даля определяет как «мерзость, гадость, пакость, все гнусное, противное, отвратительное, непотребное, что мерзит плотски и духовно, нечистота, грязь и гниль, тление, мертвечина, извержения, кал; смрад, вонь; непотребство, разврат, нравственное растление; все богопротивное».

«В начале было Слово». Это библейское откровение — не случайная фраза. В Библии вообще нет ничего случайного. «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Ин. 1:1–3). Какая торжественность и какая тайна заключена в этих словах! Это о слове? Или о Боге? О Слове, Которое стало Богом. Есть здесь непостижимая тайна Боговоплошения.

Слово - по-гречески Логос - одновременно и имя второго Лица Пресвятой Троицы, и слово в привычном для нас понимании. И это тоже не случайно. Залумаемся: какое же огромное значение Господь придает слову, если называет этим именем Своего Сына! И как бережно должны мы, творения Господни, относиться к имени Своего Творца, через Которого «все начало быть»! Из книги Бытия мы знаем, что Господь все сущее сотворил словом. А затем передал часть Своей власти высшему и любимейшему Своему творению – человеку: «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел (их) к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей» (Быт. 2:19). Первые слова, первый человеческий язык был совершенен и прекрасен, как совершенно все сотворенное Богом. У святых отцов человек часто называется «существом словесным», потому что слово – это драгоценный Божий дар, великое достоинство и преимущество человека над другими существами. Мы не знаем точно, когда появились первые скверные слова, но безусловно - после грехопадения людей, после того, как человек стал слушать и слушаться духов тьмы. Не осознавая огромной силы слов, мы употребляем их без разбора, забывая, что наши слова, как и наши дела, вечны, они не исчезают бесследно, а будут свидетельствовать в нашу пользу или против нас на суде Господнем. «Господь дал нам слово - мы извратили его. Господь дал нам слово для молитвы, для общения друг с другом, словно как меч против сатаны, а мы обратили его против себя самих» (архимандрит Рафаил (Карелин)). И не только в нашей посмертной участи. но и здесь, на земле, произносимые нами слова создают особую атмосферу добра или зла. Наше сквернословие, утверждают богословы, собирается в огромную сатанинскую силу и энергию, которая проявляется на земле в виде страшных катастроф и испытаний.

Почти у каждого народа есть пласт языка, который ученые называют мертвым, язык наших предков, устаревший, почти забытый нами сегодня. Но на этом «мертвом» языке люди хранят тексты Священного Писания, его употребляют во время богослужения. Латынь, древнегреческий, старославянский... Почему Церковь так упорно держится древних языков? Так ли уж они мертвы? Потому что именно в них сохранилось в незапятнанной чистоте Божественное слово.

Давно уже ведутся дискуссии о возможности вести в наших храмах богослужения на русском языке. Неоднократно предпринимались попытки перевести тексты службы на современный, понятный всем язык. Но каждый раз они заканчивались неудачей: верующее сердце не принимало таких нововведений. Древний язык возбуждает в душе память о потерянном рае, где все было чисто и прекрасно. В нем нет скверных, нечистых слов. Кстати, церковнославянский язык, созданный святыми Кириллом и Мефодием, изначально предназначался исключительно для богослужения и никогда не использовался как разговорный. Это драгоценный словесный сосуд, в котором нет «скверны, или порока, или нечто от таковых». Современный же, общеупотребительный язык засорен и постоянно засоряется все больше скверными, гнилыми, черными словами. И даже если мы «очистим» его для богослужения, он все равно в целом уже безнадежно испорчен, осквернен. Он давно уже не тот язык, которым так гордился Тургенев, восхищался Ломоносов, на котором творил Пушкин.

Вспомним, что писал Михайло Ломоносов: «Карл Пятый, римский император, говаривал, что ишпанским языком с Богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятелем, итальянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие ишпанского, жи-

Молебен на начало нового учебного года в приходской гимназии «Лампада» храма иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине

вость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка». Не знаю как вам, а мне причиняют боль слова нашего великого земляка.

Возможно ли сегодня остановить разрушительный процесс, который идет в русском языке? Не знаю... Но если мы задумаемся и решим каждый для себя идти не в ногу со временем. то вполне можем очистить свою речь от жаргона и сквернословия. Господь предупреждает: «...за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься» (Мф. 12:36-37). За праздное слово! - то есть пустое, лишнее, ненужное. Что же тогда предстоит испытать за сквернословие?! Взывает к нам и Апостол: «Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших... И не оскорбляйте Святаго Духа Божия, Которым вы запечатлены в день искупления. Всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас...» (Еф. 4:29–31).

Сегодня скверные слова вошли почти во всеобщее употребление, ими пересыпают речь, как междометиями, словно бы без них уже и нельзя обойтись. Продаются даже словари матерной ругани. Мы привыкли осквернять сами себя. Ведь язык, на котором мы

общаемся, формирует нравственный облик человека. Привычка сквернословить делает души черствыми, грязными, жестокими. А ведь, по утверждению святых отцов, мат — это язык бесов! «Матерным словом, — говорит один из святых отцов, — оскорбляется священное имя матери. Первая Матерь наша есть Пресвятая Богородица, наша общая Заступница; другая матерь — та, которая в болезнях рождает нас и заботится о нашем воспитании; третья, общая для всех матерь — земля, дающая всем нам пищу, одежду и жилище».

Скверные слова разрушают не только человеческую душу, но и окружающую нас природу. Об этом говорится еще в книге Притчей: «...город... устами нечестивых разрушается» (Притч. 11:11). Несколько лет назад ученые провели опыт над растениями: два участка абсолютно одинаковой почвы засеяли одновременно абсолютно одинаковыми семенами. А затем в течение всего вегетационного периода над одним участком звучала магнитофонная запись скверных слов, над другим – церковные молитвы. Во втором случае всходы были дружными, урожай – обильным. Под сквернословие же семена не взошли вовсе, а то, что всетаки принялось, зачахло и погибло. Об этом рассказала в радиопередаче «От сердца к сердцу» Жанна Бичевская.

Не менее разрушительно действует сквернословие и на людей, особенно - на детей. Известно, что материнская молитва со дна моря поднимает, родительское благословение созидает дома детей. А родительское проклятье? Известный духовный писатель конца XIX - начала XX века Евгений Поселянин в книге «Идеалы христианской жизни» рассказывает, как молодых супругов, обвенчавшихся без родительского благословения, родители прокляли: эту семью впоследствии на протяжении нескольких поколений преследовали несчастья - разорение предприятий, сумасшествие и самоубийства детей, трагическая гибель... Другая мать, оскорбленная дочерью, прокляла ее, и в нескольких последующих поколениях все первые дочери умирали в родах. Такую силу имеет слово! Как же внимательны должны быть мы в обращении с ним.

В некоторых регионах нашей страны на официальном уровне начали серьезно бороться со сквернословием. Но результатов почти не видно, потому что доброе начинание, как правило, сводится к очередной акции и далеко не всеми, от кого мог бы зависеть результат, воспринимается серьезно. Дурные примеры заразительны, а над укоренением добра нужно долго и кропотливо работать. Конечно, основы закладываются в детстве, в семье. Но дальше – это дело государственной важности. Это хорошо понимали наши предки. При царях Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче за сквернословие полагалось телесное наказание: на рынках и в других местах скопления людей ходили переодетые чиновники со стрельцами, хватали ругателей и тут же, на месте преступления, при народе, для всеобщего назидания наказывали их розгами. Сегодня матершинников просто «не замечают» – считается, что общественный порядок они не нарушают. Но для того, чтобы наш народ остался народом, а не рассыпался в прах, мы должны беречь, а не осквернять наш «великий, могучий, свободный и правдивый русский язык».

В молитве Святому Духу, которой христианин начинает любое дело, мы просим: «Прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша».

Николай Беседин

Твой милый пал, но весть в кровавом поле, Весть о Любви – по-прежнему ясна. А. Блок

МАРИЯ МАГДАЛИНА

триптих

T

Девочка смеялась и мамины волосы Трогала пальцами, ласковыми губами... И мать от счастливого этого голоса Была счастливейшей под небесами. Весна над Магдалой звенела и нежилась. В цветах олеандр и глади озерной, В сизоворонках и неба безбрежности, В цветенье смоковниц и проседи горной. Земля Завулонова, вторя пророчеству, Раем земным в эту пору казалась. - Мама! Подняться мне горлинкой хочется, Чтоб солнце ресницами тела касалось. - Мария, Мария! Мы люди - не птицы. Господь позабыл дать нам легкие крылья. - Мама, смотри, как песочек искрится, Как будто бы берег виссоном покрыли! Смотри, как цветами поля заворожены И камни дорожные яшмой сияют! - Это земля по велению Божию Наши грехи милосердно прощает. - Мама, как радостно мне! Как люблю я Рощ кипарисовых сонные тени, Живые цветы и былинку сухую И к дому нагретые солнцем ступени! Люблю виноградной лозы ожидание Тяжести гроздьев и влагу небесную, Сияние звезд и росинок сияние, Полей неоглядность и горную бездну. Мама, откуда все это?

Откуда Небо, земля и росточки живые?

Бог Элохим сотворил это чудо
 Людям на вечную радость, Мария.

Мама, я буду как певчая птица!
 Господа я не обижу слезами.

Радуйся, девочка. Буду молиться,
 Чтобы укрыл тебя ангел крылами.

II 1

- Мария! Наверно, оставил нас Бог. Отца к себе взял и меня обезножил. И дом наш похож на дырявый мешок, И радость не переступает порог, И сердце дурные предчувствия гложут. Ты взрослая стала. Что будет с тобой? Магдала не рай, и не ангелы – люди. Подружится ль счастье с твоей красотой Иль станет греху она верной слугой? И кто твое нежное сердце рассудит? Наверно, тебе опостылел наш дом. Ты часто уходишь, Мария, куда-то. Раввина не чтишь, не читаешь псалом. Не раз тебя видели в платье простом, В обнимку гуляющей с римским солдатом. Ты стыд потеряла. Забыла Закон. И род наш, Мария, тобою поруган.

Святая равноапостольная Мария Магдалина

Быть может, и вправду в тебя он влюблен И ты его любишь. Но римлянин он.

А враг Иудеи не может быть другом.

2

– Ты прости меня, мама, родная, хорошая... Сердце жертвенной горлинкой мечется. До него я не помню, что было, что прожито, Лишь любовь его – верная вестница. Это он позабыть всё заставил вчерашнее, Это он мне открыл враты храмовы. Пью, никак не напьюсь я,

всем телом припавшая,

Воспылавшие страсти адамовы. В этом храме пылает свеча негасимая, Его руки поют «Аллилуйя!». Я сгораю в объятиях, неопалимая, Его сильное тело целуя. Я взлетаю то птицей, то тенью я падаю, Словно бурей, любовью гонимая. Я умру без него. Только он мне отрадою. Ты прости меня, мама родимая.

3

Дочь моя! Что он сделал с тобой?
 Для того ли душа Богом дадена,
 Чтоб ползти по каменьям израненной,

Чтобы жить на миру сиротой? Для того ль я тебя родила, Чтобы ты прокляла день тот благостный? Чтобы ждать не дождаться мне радости Нянчить внуков, что ты принесла? От молвы да хулы не уйдешь. Что же будет с тобой, неутешница? Тяжелее камней доля грешницы. Как невинную душу спасешь? Мария: Невинную, винную... Овечку хворостиною Гнала, гнала: Или, овечка, Домой на крылечко. А она – скок вбок И села голубкой на шесток. Ах, какой ветренник! Шепчет: богиня! А это жертвенник В скинии... *Мать*: Мария! Дай головку твою. Ты дома, со мной, доченька! Хочешь, песню тебе спою Про ноченьку? (поет) Горы уснули и море. Стражник закончил обход.

29

Лишь на далеком Фаворе Ангел о Боге поет. Льется полуночным светом Гуслей серебряный звон. Думают люди, что это Снится им радостный сон. Воды Кессона светлеют, Звезды плывут в синеву, Только одна орхидея Слезы роняет в траву. Мария: Слезы? Плачет? ...Мария откинула волосы, Будто с темного взора беду смела. И почти незнакомым, решительным

голосом

Разом выплеснула что задумала: Мама, сердце давно уже кровью отплакало. Позабудь о Марии – певунье веселой. Ветры с гор остригают поля наши наголо, Рыбаки ставят лодки свои на приколы. Не по чести, видать, мне хоромы небесные, А дворцы обещания – просто лачуги. Где они, покажи мне, святые и честные, Где владыки над плотью? Одни только

Где, скажи, та любовь? С ее храма истлевшего Брошусь в бездну греха. И на этом излете Выжгу душу. И тело осиротевшее Разрешу пожирать всякой страждущей плоти.

Если мир от начала – пороков вместилище И Закон – лишь кормушка старейшин

Я пройду через адское это чистилище, А потом твою дочь пусть Иегова судит. Не рыдай мене, мати! Грехов своих чашу Я до дна изопью. И другой мне не надо. Помолись, примирясь, во спасение падших И в холодную ночь помяни свое чадо.

– Эй, плешивый! Ты видел пророка, Что пришел сюда из Назарета? А тебе-то какая морока, Чтобы знать, потаскушка, про это? - Значит, есть. Может быть, напоследок Захотелось понравиться Богу. - Ну, тогда в дом Господний последуй. Кто же пустит меня в синагогу? Видно, ходят туда лишь святые... Тихий голос услышала рядом: Ты Меня хочешь видеть, Мария? И насквозь осветил ее взглядом. С плеч хитон ниспадает просторный, Светел лик, очи – небо вместили... И пошла за Ним молча, покорно, Повинуясь неведомой силе. Кто: пророк, человек ли, мессия? Ни на миг не возникло вопроса. Из Магдалы блудница Мария, Позабудь про судьбы перекосы. Чем жила, что любила – химеры!

– Господин мой! Господь мой! Ты слышишь? Нету счастья превыше, чем вера, И любви к Богу нету превыше! - Нет, Мария! Созревшие кисти Не родятся в мгновение ока. На ветру и дождях, среди листьев Зелены, несъедобны до срока. Лишь в конце урожайного лета, Все впитав: плоть земли, пот ладоней, Солнца жар и надежду рассвета, Превратятся в целебный огонь они. И любовь лишь в своем триединстве Обретает бессмертье, Мария: К той земле, что в своем материнстве Отдает свои соки живые, И к тому, с кем продление рода Наслаждением станет и болью, Сокровенному смыслу в угоду, В исполненье Божественной воли. А когда, душу переполняя, Где и места, покажется, нету, Возгорится любовь неземная, Что подобна бессмертному свету, Лишь тогда обретет завершенье Та Любовь, что дарована Богом. Ты, Мария, прошла две ступени. Третья будет труднее намного. ...Ходила следом. Слушала Его. Израненные ноги омывала Слезами. Волосами отирала. И было ей так радостно-легко, Как будто жить сподобилась сначала. Он говорил: живущий во грехе Не сможет никогда обресть свободу. В потоке мутном не отыщешь брода. Тяжелый путь пройдешь лишь налегке, А легкий – в тьму извечную уводит. Он говорил: заблудшую овцу Вновь обрести – дороже овцев стада. И что любовь негаснущей лампадой Путь осветит в бессмертие, к Отцу, Что мир погибнет в лжи, воскреснет -

в правде.

Мария не рассудком, а душой Воспринимала каждый звук Завета. О, Раввуни!

Где раньше был Ты? Где Ты

Ходил дорогой грешников, Святой? Где ночи коротал, необогретый? Все прошлое, как рой пчелиных жал, Как вопль плоти ненасытной жрицы... Будь проклято! Как радостно молиться! Я верую! Ты крылья, Равви, дал. Душа моя парит, как в небе птица! ...Я радуюсь: меня услышал Ты, Мое моленье, к уху преклонясь. Отвел болезни острые персты И адских мук губительную власть. И обрела душа моя покой.

Аллилуйя!

Я радуюсь: Ты душу уберег От смерти и от слез избавил очи, От преткновенья – ноги в тьме дорог, Открыл неиссякаемый источник Любви и веры в Царствие Твое.

Аллилуйя!

А Он смотрел, как смотрят на дитя, И говорил, терзания итожа: - Став на вершину, не кляни подножье И ночь не отвергай при свете дня. Мария! Все на свете в воле Божьей. И уходил в толпе учеников, Как добрый пахарь, зерна Правды сея, Под взглядами надменных фарисеев, Привычный мир колебля до основ... И возопила в страхе Иудея.

Молитва Марии

Я упаду пред Иудеей ниц: О, блудница! Тебе ли мало крови? Казнить невинных для тебя не внове. Возьми меня, всех в мире голубиц, Но жертвенник не обагри любовью. Иисусе Боже! За Тебя молюсь, Небесного Отца прошу за Сына: Закрой врата пред Ним Иерусалима! Душа болит. Я за Него боюсь. О, ангелы! Молите Элохима.

...Голгофа опустела. Лишь стезя От ноши неземной кровоточила. Стенала с Матерью у камня Гроба Сына Его неиссушимая слеза, Господня дщерь – Мария Магдалина.

Об авторе. Редко бывает, что человек, наделенный ярким поэтическим дарованием, не просто известный читающей публике, но к тому же глубоко почитаемый, член Союза писателей еще советской поры, лауреат многих литературных премий, автор шестнадцати книг, в течение своей трудовой деятельности ни одного дня не работал как поэт-профессионал, хотя и окончил, помимо мореходного училища, Литературный институт им. Горького: из его трудовой книжки можно узнать, что Николай Васильевич Беседин работал судовым механиком на разных флотах, в институте ядерной физики им. Курчатова, в Госплане СССР, но записи, что он – поэт, вы не найдете. И тем не

В одном из ближайших номеров мы расскажем о Николае Беседине подробно.

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Я люблю ту великую, грешную, Ту ушедшую в вечность страну, И за веру ее сумасшедшую, И за праведную вину. Не просила у мира, не кланялась, Берегла свою честь испокон. И прости ее, Боже, что каялась Не у тех, к сожаленью, икон. Было все - упоенье победами, Были всякие годы и дни, Но над всеми смертями и бедами Было что-то, что небу сродни. И когда-нибудь праздные гости Спросят новых вселенских святых: «Что за звезды горят на погосте?». И услышат: «Молитесь за них».

ОЧИЩЕНИЕ ХРАМА

...Ревность по доме Твоем снедает Меня.

Ин. 2:17

1

Горело солнце.

Металось горячими кудрями зноя, Дробилось о грани гранита и мрамора, Взрывалось огненно-золотое, Осколками рухнув на тело храмово... – И это дом Твой, Господи?

Тленного мира частица каждая До сердцевины была расколота. Разумные твари золота жаждали И Бога, если Он был из золота...

– И это дом Твой, Господи?

Заклинанье притвора, псалмы колоннады, Парапета мистический, жертвенный

танец,

Стенание горлиц, рев бычьего стада, Никаноровых врат языческий глянец... – И это дом Твой, Господи?

От криков менял и торговцев ослица Дрожит и косится на оргии храма. Блики золота на душах и лицах, Как блуждающая усмешка Хирама... – И это дом Твой, Господи?

Вертеп разбойников от лукавства. Здесь все покупается, все продается -Вера, любовь и Небесное Царство, И тело, и души до самого донца... - И это дом Твой, Господи?

Воздух сгустился до плотности молнии. Высверк небесный и бич Иисуса Храм очистительной силой наполнили. И застонала толпа тыщеусто. – Это дом Твой, Господи!

Рушились лавки, летели динарии, И полусикли смешались с навозом. Земной и небесный бичи ударили

По преисподней в величии грозном. – Это дом Твой, Господи!

Бичом по торговцам, бичом по наживе, По царству тельца золотого – бичами! Бичом по всему, что развратно и лживо, Всему, что погрязло в обмане и сраме! – Это дом Твой, Господи!

И бросились прочь, круша и корежа Торжище званых, скотина и люди... Так с раны сползает мертвая кожа, Так солнце весеннее пажити будит. Это дом Твой, Господи!

И храм засиял, Божьим духом повеял, И белого снега белее стал паче... Осанна! – кричали ему иудеи Из простонародья. Так что же Он плачет?

– И это дом Твой, Господи?

ВСТРЕЧА

Всё-то шепчет она:

- *Да я, Да я* ...
- Кто же ты, Мари, скажи!
- Королева твоя, королева твоя! Припади к ногам госпожи!

Рильке

Комиссия закончилась провалом. Он вышел отупевшим и усталым На улицу, в вечерний вертопрах. Шел наугад, подняв у куртки ворот. Кишел телами суетными город. Воздвигнувший над прахом новый прах.

И вдруг – укол иглы, опоры прочерк, Бунт памяти, когда она не хочет Ответить и не может промолчать: Знакомый голос, но какой-то странный, Из онемевшей, выцветшей, туманной Реальности, что вымыслу под стать,

Вдруг полоснул безжалостно и звонко, Как лезвие:

- Купите кукушонка!

И вновь затих. Он ждал его, дрожа, Боясь, что повторится он, как пытка, Едва надеясь: может быть, ошибка? И зная: казни жаждала душа.

И он возник на той же странной ноте, Поодаль чуть, в подземном переходе. Всем существом рванулся он туда. И увидал согбенную старуху. Что изредка в толпу роняла глухо: Купите кукушонка, господа!

И он узнал. Как изменилась Оля! Но все же что-то милое ло боли Светилось, словно в Храме на крови. Крестообразно сложенные руки

Не милостыню ждали, а на муки Благословляли пленников любви.

Ведомый заклинаньем иль проклятьем, Он кинулся с готовностью в объятья Воспоминаний.

И разверзлась явь. И карусель гигантская, шальная Вдруг завертелась, время расчленяя,

...Аленка! Олененок!

Плещут руки

Над изголовьем, отводя разлуки. Бежит босая, светлая к нему. И губы, щеки, грудь его целуя, Кричит на всю Вселенную:

Творя какой-то несусветный сплав.

– Люблю я!

дома,

... Где это было? В Кинешме? В Крыму?

Мелькают города, дороги, встречи...

Остановись!

...Они сошли под вечер На среднерусской станции глухой. Потом пешком двенадцать верст и -

В деревне, что была ему знакома. – Аленушка! Там просто рай земной!

Едва пошли, как ногу подвернула Она в стопе.

И, обратившись в мула,

Он нес ее, смеялся и шутил. Два рюкзака и ноша всех милее.

- ...А карусель быстрее и быстрее.
- Мой милый! Разлюбить тебя нет сил.

Он успокаивал и исчезал надолго. Но возвращался с хищным взглядом волка.

И ночь была. И вьюга за окном... Ты не ругай меня. У нас – ребенок. Он засмеялся:

– Это кукушонок. Смотри получше за своим гнездом.

Стой, карусельщик! Исполать,

любезный!

Останови свой агрегат небесный! Назад верни! Скорей верни назад! Туда, где ничего о ней не помню. Моя душа похожа на часовню, Где только отпевают и скорбят.

А я хочу молиться днесь и вечно, Чтобы зажглись в ней праздничные

свечи,

И глаз любимой исцелила синь, И смех ее вернулся – чистый, звонкий... Но – как удар:

Купите кукушонка.

Сгинь, карусельщик!

Этот вечер - сгинь!

Дмитрий Шеваров

«Я за тебя молиться стану...»

...Ушел на мороз бедный Ипполит, вернулся в Москву протрезвевший Женя Лукашин, а у нас остались на губах строчки: «Как больно, милая, как странно...».

Мы так срослись с этим фильмом, так переплелись наши жизни с жизнями героев, что даже бесконечные повторы «Иронии...» не мешают каждому из нас иметь в душе свою «Иронию...» - совершенно личную, единственную. В ней недоразумения, боль и чудеса нашей, и только нашей, жизни. Неразгаданные нами до сих пор повороты судьбы. И когда мы уходим (а ведь всегда надо кудато уходить), то стоим в дверях, медлим, говорим о пустяках («мобильник не забыл?»), а в комнате еще горит елка, и, оглядываясь на нее, мы понимаем, что не говорим главного. Но главное, как всегда, остается за кадром души. Оно звучит уже потом, когда мы идем сквозь метель: «С любимыми не расставайтесь... И каждый раз навек прощайтесь, Когда уходите на миг».

Какая-то пушкинская ясность есть в этих строчках, а звали поэта – как и Пушкина – Александр Сергеевич.

Александр Сергеевич Кочетков. Он родился 12 мая 1900 года. В возрасте 53 лет умер. Окончив Лосиноостровскую гимназию в 1917 году, поступил на филфак МГУ. Был мобилизован в Красную армию. Потом работал библиотекарем. В 1930-х годах стал профессиональным переводчиком. Переводил с французского, немецкого, испанского...

«Баллада о прокуренном вагоне» была написана Кочетковым в 1932 году при обстоятельствах, о которых жена поэта Нина Григорьевна рассказывала так: «Лето мы проводили в Ставрополе у моего отца. Осенью Александр Сергеевич уезжал раньше, я должна была приехать в Москву позднее. Билет был уже куплен – Ставропольская ветка до станции Кавказской, там на прямой поезд Сочи – Москва. Расставаться было трудно, и мы оттягивали как могли. Накануне отъезда мы решили продать билет и хоть на три дня отсрочить отъезд... Нас спасла любовь».

Ушедший без него поезд потерпел крушение на станции Москва-Товарная. Многие пассажиры погибли. Друзья, знавшие о приезде Кочеткова этим поездом, сочли его погибшим и были потрясены, когда он объявился в Москве через три дня.

Еще во время Великой Отечественной войны «Балладу о прокуренном ва-

БАЛЛАДА О ПРОКУРЕННОМ ВАГОНЕ

Как больно, милая, как странно,
Сроднясь в земле, сплетясь ветвями, –
Как больно, милая, как странно
Раздваиваться под пилой.
Не зарастет на сердце рана,
Прольется чистыми слезами,
Не зарастет на сердце рана –
Прольется пламенной смолой.

- Пока жива, с тобой я буду - Душа и кровь нераздвоимы, - Пока жива, с тобой я буду - Любовь и смерть всегда вдвоем. Ты понесешь с собой, любимый, - Ты понесешь с собой повсюду, Ты понесешь с собой повсюду Родную землю, милый дом.

Но если мне укрыться нечем
От жалости неисцелимой,
Но если мне укрыться нечем
От холода и темноты?
За расставаньем будет встреча,
Не забывай меня, любимый,
За расставаньем будет встреча,
Вернемся оба – я и ты.

Но если я безвестно кану –
Короткий свет луча дневного, –
Но если я безвестно кану
За звездный пояс, млечный дым?
Я за тебя молиться стану,
Чтоб не забыл пути земного,
Я за тебя молиться стану,
Чтоб ты вернулся невредим.

Трясясь в прокуренном вагоне, Он стал бездомным и смиренным,

Трясясь в прокуренном вагоне, Он полуплакал, полуспал, Когда состав на скользком склоне Вдруг изогнулся страшным креном, Когда состав на скользком склоне От рельс колеса оторвал.

Нечеловеческая сила, В одной давильне всех калеча, Нечеловеческая сила Земное сбросила с земли. И никого не защитила Вдали обещанная встреча, И никого не защитила Рука, зовущая вдали.

С любимыми не расставайтесь, С любимыми не расставайтесь, С любимыми не расставайтесь, Всей кровью прорастайте в них, — И каждый раз навек прощайтесь! И каждый раз навек прощайтесь! И каждый раз навек прощайтесь! Когда уходите на миг.

1932 г. Александр Кочетков

гоне» переписывали от руки и посылали в письмах. Стихотворение разошлось так широко благодаря корреспонденту газеты «Красный флот», участнику обороны Севастополя писателю Леониду Соловьеву (автору книги о Ходже Насреддине). Зимой 1942 года он познакомился в Ташкенте с Кочетковым, услышал от него «Балладу...» и переписал стихотворение в блокнот.

Но опубликована «Баллада...» была только в 1966 году, на 298-й странице альманаха «День поэзии», с кратким предисловием Льва Озерова.

...Когда Андрей Мягков и Валентина Талызина читают за кадром «Балладу...», Женя Лукашин идет к своему дому номер 25 по улице Строителей. Он идет сквозь метель, против ветра мимо бетонного забора. А за забором — древняя церковь с чудом уцелевшими крестами на куполах. Недавно узнал: это храм Архангела Михаила в московском районе Тропарево.

Я за тебя молиться стану, Чтоб не забыл пути земного, Я за тебя молиться стану, Чтоб ты вернулся невредим...

Павел Демидов ПРО ПЕТРОВА

рассказ

На душе у Петрова было мутно. Не так, когда вечером перебрал, а утром недоспал. Там муть тюлюкается где-то под солнечным сплетением (нашла место!). Здесь же дает о себе знать примерно на ладонь выше, так сказать, ближе к критической отметке. Правда, реальной физической опасности она не представляет, но моральные страдания приносит. Петрову это, второе, состояние было знакомо примерно так же, как и первое, что делало сравнение между ними достаточно корректным и репрезентативным. Сравнение оказывалось не в пользу второго, потому что Петров был человеком скорее совестливым, чем пьющим.

Дотошный до занудства, Петров, не подозревая того, оказывается, жил почти по Чехову: в нем тоже все должно было быть прекрасно. Но только в его, Петрова, понимании. Допустим, глупо каждый вечер вешать в платяной шкаф рабочую одежду, если через несколько часов предстоит вновь напялить ее на себя. А глупое не может быть прекрасным (женщины - единственное исключение, которое допускал Петров). Или, скажем, состояние рабочего стола. Если он вдруг оказывался аккуратно и симметрично прибранным, Петров чувствовал себя как с чужой зубной щеткой во рту. Утешало, что длилось такое недолго. Приводить еще примеры все равно что пересказывать собственную жизнь: а вдруг она не всем покажется стоящей внимания? Можно с уверенностью сказать одно: Петров настойчиво, возможно даже подсознательно, стремился сохранить гармонию в своей жизни, что косвенно подтверждали пять штампов регистрации брака в его паспорте.

Мутно на душе у Петрова в этот раз было от того, что он не мог понять причину нынешнего своего состояния, и именно это не давало ощутить так ценимый им душевный комфорт. Впрочем, найди он наконец эту клятую причину, вовсе не факт, что на том прекратились бы его терзания. Пожалуй, собака всех его нестроений была зарыта как раз здесь, в зазоре между собственным пониманием принципов мироустройства и каким это мироустройство являлось ему в каждый конкретный отрезок жизни. Упомянутый зазор не всегда был постоянным или неодолимым, но что мы помним, как правило. лучше: когда у нас зуб болит или когда не болит? Зубы у Петрова были отменные, в допластиковую эру он даже открывал ими железные крышки пивных бутылок, но речь не о том. Было тяжело морально, и Петров не знал, что с этим делать.

Как многие из нас, пытаясь доискаться причин вроде бы не существующих, однако заметно отягчающих жизнь, Петров двигался тем же внутренним путем:

перебирал, как четки, недавние события и последствия, из них вытекающие, беспристрастно анализировал собственное при том поведение, но успех не приходил. Четки кончались, он принимался перебирать их заново – результат оставался тот же. Занятный человек этот Петров. Не то чтобы самоед. Он, как ему казалось, хорошо видел и свои достоинства. Но если в том или ином сомнительном сюжете он не мог усмотреть собственной заметной роли. как он иронически говорил, своего причинного места, то чувствовал себя неуютно. Откуда такое? Забытое из Достоевского «всякий пред всеми за всех и за все виноват»? Но дело в том, что Петров «Братьев Карамазовых» не читал, как и прочего Достоевского, за исключением «Села Степанчикова». А прочитай он Федора Михайловича всего, он бы больше преуспел? Тогда самыми удачливыми должны быть преподаватели русской литературы, но так ли это по жизни? Нет. дело не в том, что написано в книге. Дело в том, что написано у человека внутри. А перенесет писатель это в роман - так уж велика ли его в том заслуга? Нет, судить о Петрове по Достоевскому – занятие пустое. Петров стремился всегда быть субъектом, а не объектом действий или обстоятельств.

Например, с некоторых пор Петров не тяготился сидением в длинных очередях, состоящих в основном из немощных и страждущих. С тех пор как однажды на праздничном корпоративе в его левый глаз зафигачила пробка от шампанского, вдребезги разнеся хрусталик, он стал частым посетителем знаменитого офтальмологического центра. Пока лежал в стационаре, все куда ни шло: отдельная палата и прочие прибамбасы коммерческого формата обслуживания. Но когда перешел на амбулаторное лечение, то есть встроился в обычную линейку, насмотрелся такого - не приведи Господь. Хорошо, если пациенты приходили с провожатыми. Но добрая половина это были одинокие старики и старухи. Нужно ли описывать, как они забывали свое место в очереди, путали номера кабинетов, теряли направления на процедуры... А с какого момента Петров стал ходить туда без натуги? Не ответит. И почему? Может, открыл в себе нечто новое, неведомое прежде? Может, Петров – мазохист? Или тайный гордец? Ни то, ни другое.

Спустя время он поймет: благодарность Богу, эта непременная составляющая веры, здесь невидимо приобретала для него ту вещественность, которую не могли передать слова самой горячей молитвы. Он вообще не научился понимать: как это – горячо молиться? Доводить себя до экстаза, до медиативного погружения? Не получалось. То ли темперамент, то ли

маловерие были тому причиной. В общем, не получалось. А тогда в глазном центре он просто, как таблицу умножения, понимал, простите за неуклюжий каламбур видел, что за счастье самому, без посторонней помощи, подняться по лестнице, выйти из лифта на нужном этаже, назвать врача по имени-отчеству, не заглядывая перед этим в бумажку. Его перестала раздражать почти постоянная невнятица перед дверью кабинета: кто имеет право без очереди – а тут все имеют право, а я инвалид - тут все инвалиды, я ветеран а тут все ветераны, он пропускал к врачу впереди себя, если его об этом просили, и, случалось, помогал снять или надеть бахилы, видя беспомошный взгляд соседа. Уходить из глазного центра Петров стал с ощущением необыкновенной внутренней очищенности, словно кто-то прошелся по всем его закоулкам валиком уличного автоуборшика «Schmidt». Если честно, он такого не испытывал даже после исповеди. Поэтому, когда приближалось время посещения, Петров непроизвольно внутренне подбирался - не сказать, чтобы специально готовился, но дни до назначенного приема держал в уме.

С привычной дотошностью Петров пытался разобраться и с этим. Почему рядовое событие, даже не событие вовсе, а рутинный акт, становился в его жизни именно событием, к тому же ожидаемым? Жажда подвигов? Ощущение себя сильнее самого себя? Воспитание смирения? Последнее можно бы принять без внутренних терзаний, даже охотно, но ни одно из первых двух объяснений Петрова не устраивало, однако поди разберись, что же там в действительности - первое, второе или третье? Что сбивало с толку: Петрова в принципе не влекло к такому поведению. Многое он делал даже через некое внутреннее сопротивление, порой граничившее с брезгливостью. К себе ли - за собственную податливость, к окружающим ли - за их молчаливую неотступность?.. Бог весть. Петров особо не углублялся в проблему, поскольку опасался напороться на ответ, который при любом раскладе его бы не устроил. В самом деле, как разобраться в природе того или иного поступка? То ли на тебя действуют обстоятельства, а из тебя, как из тюбика, выдавливается нужное содержимое. То ли, напротив, ты не отмечаешь никакого воздействия извне, то есть полностью игнорируешь окружение, а тюбик все равно работает так же, но уже согласно другому закону - внутреннего давления в условиях окружающего вакуума.

Нынешний душевный раздрызг Петрова был из разряда других состояний, это он осознавал отчетливо. Но вот из каких?.. Все предшествующее вроде бы

не давало поводов, во всяком случае очевидных. Такое устройство чувств Петров называл бесповодной системой, в отличие от проводной, где всегда можно нащупать путь от конца к началу. Здесь - не нащупывалось, хоть тресни. Петров стал припоминать, не было ли у него похожих сюжетов. Метод аналогии, он, знаете ли, продуктивен. Вся английская юриспруденция кормится от прецедента. А ей лет и лет, и, похоже, большинству подходит. Но в случае с Петровым не проходило и это. В случае с Петровым вообще не было никакого сюжета, которому можно бы подобрать аналог из прошлого. Нечто похожее... а-а-а: нечто похожее... значит, есть с чем сравнить? Думай, Петров, думай!

Это было в преддверии брака, которому предстояло стать третьим. Невеста убеждала Петрова: свадьбу надо устроить в зоопарке. Если в иное время в лирекции зоопарка на Петрова посмотрели бы в лучшем случае как на тихо спятившего, сейчас, он понимал, единственной проблемой могла быть цена вопроса. Но с этим, как оказалось, ни проблемы, ни вопроса не было, потому что Женькины родители обещали устроить ей любую свадьбу, какую она захочет. Вначале Петров с удовлетворением подумал, что невеста остроумно пошутила, и даже спросил в тон, как быть с меню: ведь у обитателей зоопарка очень разные вкусы. В ответ услышал: «Глупый ты, Петров. Я так рассажу гостей, что они будут помнить об этом всю жизнь. И еще детям расскажут». - «А звери?» - не мог взять в толк Петров. «Звери – не люди. Их сутки не будут кормить - они такой концерт закатят!.. Представляешь, Петров? Свадебный вальс под рычание тигров и рев слонов!». Петров представил. Удовольствия не получил, хотя и ему не была чужда симпатия к экстравагантным ситуациям. На этом они с Женькой, можно сказать, и попали друг в друга. Но то ли от природы ленивая фантазия, то ли стремление жить по Чехову, о чем было сказано выше, то ли что-то еще удерживало Петрова в определенной нравственной конфигурации, не давая расслабиться. Скорее всего, это было то самое «что-то еще», которому почти никогда не находилось определения и от которого всегда одни неудобства.

До свадьбы было еще далеко, и Петров, чтобы излишне не обострять, решил последовать примеру Ходжи Насреддина, который пообещал эмиру за двадцать лет обучить его ишака грамоте. За это время, объяснил хитрец своим приятелям, кто-то непременно умрет: или эмир, или ишак, или, на худой конец, он сам. Петрову двадцати лет не потребовалось, хотя, повторяю, до свадьбы было далеко. Все произошло как у Маяковского, когда тот получил неожиданный гонорар: «семь-

десят два рубля кончились легко и без боли». После почти месячного отсутствия Петров пришел к невесте домой. Женя, как всегда, где-то задерживалась, и ему оставалось только привычно ждать. Будущая теща еще жила на даче, будущий тесть еще не пришел с работы, Петрову открыла домработница и, как своего, оставила одного, а сама ушла на кухню. Петров прохаживался по знакомой большой квартире (обувь здесь не снимали), взгляд скользил по знакомым предметам обстановки - пианино, роскошный телевизор – домашний кинотеатр, африканские ритуальные маски на стенах, красиво расставленные и явно читанные книги... В Женину комнату Петров без нее никогда не заходил, как, впрочем, и никто в этом доме, все вполне вольготно умещались в остальных четырех.

Петров услышал знакомый характерный звук: так отзывается закрепленная металлическая спица на удар по ней чемто очень твердым. Это Жако старался привлечь к себе внимание. Пепельно-серый, с пурпурным хвостом, попугай устроил из прутьев своей клетки нечто вроде камертона: клювом щелкал по ним, после чего, склонив голову набок, прислушивался, а желтая радужка с черной точкой зрачка в центре глаза словно спрашивала: «Ну как?». Жако был весьма крупным для своей породы: размах крыльев чуть ли не метровый, длина хвоста - двенадцать, а всей птицы – за сорок сантиметров. Расти, правда, он уже перестал, но еще далеко не дотянул и до половины предельного возраста. Среди попугаев породы жако он был несомненно выдающимся экспонатом. Для простоты его переназвали по имени самой породы, на что он почти сразу и охотно стал откликаться. А вот с разговорной речью у этой самой талантливой из всех птиц, способных к звукоподражанию, вышел казус. Отец Жени, карьерный дипломат, завершив командировку в одной из африканских стран, возвратился со всей семьей в столицу. К тому времени купленный за немалые деньги Жако уже знал несколько сот слов на языке банту и примерно столько же конголезских (видимо, по местам своего прежнего проживания). Русский словарь Жако был пока довольно убог, да и о попугаяхполиглотах орнитология мало что знает. Надо ли говорить, что Жако был всеобщим любимием в семье.

У Петрова отношения с Жако не сложились сразу. Точнее было бы сказать: у Жако с Петровым. Появление нового самца попугай, видимо, воспринял как посягательство на личную эксклюзивность и стал выражать к этому свое отношение. Для начала он занялся самовыщипыванием, словно собирался варить из себя суп. Потом объявил нечто вроде

голодовки: отверг любимые семечки «От Мартина» и – даже! – улиток, которые покупались специально и только для него. Потом перестал выходить из клетки для обязательной разминки, предписанной врачом-орнитологом, так как летать ему было просто негде. Трудно сказать, как надолго хватило бы гордеца Жако, если бы не слабый иммунитет Петрова. Дело в том, что в детстве Петров не переболел почти ни одной из непременных для того возраста болезней: ни корью, ни свинкой, ни ветряной оспой. А тут как на грех приятель попросил его забрать сынишку из садика, который закрылся на карантин по поводу ветрянки. Через неделю у Петрова все тело пошло красной сыпью, сопровождаемой жутким зудом и температурой. Сомнений не было: влип!

Разумеется, Петрова отлучили от невестина дома, да он и сам, как воспитанный человек, понимал, что должен изолироваться от мира. Но зато за время его вынужденного затворничества полностью выздоровел Жако! И семечки с устрицами вернулись в меню, и на пузе выросли перья. Врач сказал со стопроцентной уверенностью, что из жизни попугая исчез какойто раздражавший его психологический фактор, вот и вся природа чуда. Когда Женя сообщила Петрову эту радостную весть, он язвительно процедил в трубку: «И что же это за фактор? Когда перестал дурить ваш Жако?». - «А почти сразу, как ты забо... Ой, браво, Петров! Не может быть!». -«Привет!» - Петров отключил телефон, а потом и вовсе заблокировал номер.

Вот что предшествовало нынешнему приходу Петрова в дом невесты и встрече с попугаем. Перед этим были еще и долгие телефонные разговоры, и громкие слезы, и выяснения, кто кому дороже, но кончился карантин и пора было ставить точку в этой дурацкой истории. Жако продолжал пристально смотреть на Петрова – желтая радужка с черной точкой посередине. Петрову казалось, что поганая птица смеется над ним, хотя птицы, он знал еще из школы, не умеют смеяться, разве только подражать, но Петрову-то было не до смеха, значит, и подражать некому. Однако что-то в... лице? в морде? - в самом деле, а что у птиц: морда или лицо? - заставляло Петрова как-то по-новому отнестись к Жако. Он вдруг почувствовал, что попугай, похоже, испытывает к нему нежность. Неужели соскучился? А как же раздражающий фактор? Голое пузо? Семечки «От Мартина»? Петров открыл дверцу клетки. Жако насторожился. Петров просунул в клетку ладонь, хотя изрядно рисковал при этом: Жако мог запросто долбануть его клювом. Но птица совершила вовсе неожиданное: она положила головку на ладонь Петрова и замерла, как собака в ожидании, когда ее погладят. Петров и погладил. После этого Жако выпустил пулеметную очередь, пройдясь клювом по спицам клетки, и завершил умопомрачительное глиссандо каким-то неизвестным Петрову словом с прищелкиванием (вероятно, один из праязыков попугая). И окончательно уложил его на лопатки, произнеся, уже по-русски и раскатисто, Жениным голосом: «Браво, Петров!».

Будущий тесть, придя домой, застал следующую картину. На диване, закрыв лицо ладонями, рыдала дочь. Клетка была пуста. В открытом окне лениво полоскалась занавеска. Петров стоял у окна, смотрел вдаль, о чем-то, наверное, думал. На вошедшего не обернулся. «Где Жако?» машинально спросил хозяин, хотя сразу понял: нечего спрашивать, все и так ясно. Женя, совсем как Ленин с броневика, указала на Петрова. «Зачем ты это сделал?» - тихо спросил отец, подойдя к Петрову. Тот молчал. Вопрос прозвучал вторично. «Ты решил дать ему свободу... А его ты спросил, хочет он ее или нет? будущий тесть, хотя теперь уже ясно, что никакой не будущий, кивнул на окно. -Кому он там нужен? Он же там погибнет, в твоей свободе...».

Петров ушел не попрощавшись. И, разумеется, не извинившись. Извиняться, по существу, было не перед кем. Те, что остались в квартире, погорюют и успокоятся. В крайнем случае купят нового Жако. А у главного персонажа Петров, может, и попросил бы прощения, да где его найти, этого главного, и за что, собственно, извиняться? Петров же не вытуривал попугая из клетки и не выталкивал в окно. Он просто предоставил ему возможность выбрать. И вдруг Петрова словно ударило током. Идиот! Самодостаточный, самовлюбленный кретин! Тухлый вершитель судеб! Он ехал домой и, как мантру, повторял услышанное от Жениного отца: «Кому он там нужен? Он же там погибнет, в твоей свободе». До него вдруг дошла глубокая связь этих слов. Человек, к которому Петров относился со снисходительной нетребовательностью, как заведено среди продвинутого народа, этот человек исповедовал простую и чистую, как ключевая вода, истину: если ты никому не нужен, это все равно что тебя не существует.

Научило происшедшее Петрова чемуто? Трудно сказать. А чему, собственно, оно могло или должно было научить? Петров был системой, которая плохо переналаживалась. Несмотря ни на что, он как-то умудрялся жить в координатах личных представлений. Те, кто с ним соприкасались, задерживались у его пирса, как правило, ненадолго, правда, и расставались без огорчений: отдали концы – и вира

помалу. Сюжет с Жако и несостоявшимся третьим браком (потом третий все же был, но с другой) оставил в нем борозду. Она перепахала святое святых Петрова - его Хрустальный Дворец, его Землю Санникова, Дворец его Мечты, Землю Обетованную, Шамбалу, называйте как хотите, она прошла через его бога, которому он поклонялся самозабвенно. Петров считал свободу настолько абсолютной составляющей бытия, что избегал сближения даже с единомышленниками, ибо ничто не должно ограничивать его. А борозда взяла и сделала свое дело. И проложила ее не Женя и даже не бедолага Жако, но несостоявшийся тесть. Петрову вдруг вспомнилось, как в прямом эфире моджахеды показывали казнь заложника: к горлу приговоренного приставлен кинжал, а тот стоит на коленях в покорном ожидании смерти. От неожиданности Петров даже резко нажал на тормоз, к счастью, дорога была свободна. Страшная картинка прочиталась им как метафора его философии. И не тем ли моджахедом, приговаривающим птицу к этой самой свободе, увидел он себя, разве только не с примкнутым к чужому горлу кинжалом? Диковато, конечно, но что поделать с воображением? Так научило происшедшее Петрова чему-то?

Петров и здесь не нашел аналогии с досаждающим ему нынешним душевным неустройством. Читателю, вероятно, уже давно хотелось бы разобраться с интригой героя, да ведь и Петрову давно хотелось того же. Однако не получалось. Но если всерьез, то в данном случае важнее процесс психоанализа, а не результат. Приди Петров к модному ныне психоаналитику, приоритеты поменялись бы непременно: важен стал бы результат. Но Петров-то пришел к самому себе. Диалог с собой был для него куда важнее психоаналитических методик, будь то техника свободных ассоциаций или незавершенного рисунка, несуществующего животного или незаконченного предложения. Он не хотел анализировать себя ни по Франку, ни по Фрейду. Если вы помните, Петров всегда считал себя никак не объектом, но субъектом, и в этом заключалась вся, как говорят сегодня, фишка. Просто Петров этого не знал. Он не знал, что быть объектом никак не зазорно, но даже жизненно необходимо, потому что только так ты оказываешься встроен в систему человеческих отношений, а не живешь, как попугай Жако, в персональной клетке. Все это будет приходить к Петрову постепенно, в диалоге с самим собой. Он перестал посещать зоопарк и иные зрелища, если они были связаны с использованием животных. Пусть не покажется смешным, но ему стало стыдно за себя, за людей на планете, которые ради удовольствия своего или своих детей, пусть даже с благой познавательной целью, выдергивают этих несчастных тварей из естественного и привычного для них мира, лишая их единственно бесценного и дарованного им вовсе не людьми – свободы. Петров понимал, что сегодня в бизнесе на животных крутятся огромные деньги и никому не под силу остановить этот гигантский маховик. Единственное, что было под силу Петрову, — не участвовать, как учит Писание, в делах тьмы. Чем он и занимался.

Да, пожалуй, ущемленное чувство стыда было ближе всего к тому, что сегодня не давало Петрову покоя. Там, в офтальмологическом центре, ему тоже вдруг становилось жгуче стыдно. Как за что?! За то, что видит. Ходит. Помнит. Он старался не выказывать это состояние: боялся обидеть. И старался, старался быть как можно незаметнее. Совсем как в раздевалке, где он оказывался в одно время с паралимпийцами (он ходил в бассейн, они - в спортзал). Эти парни, кто на протезах, кто на костылях, кто в колясках, не вызывали жалости, настолько уцелевшие части их тел были красивы, отточенны, а уж о силе духа и говорить нечего. Но Петрову было крайне неуютно в их обществе, хотя никто не обращал на него внимания. Он даже не массировал себе ступни ног, что было очень нужно, потому что считал неприличным демонстрировать то, чего нет у других. Парням, не сомневался Петров, были до фонаря его рефлексии, да и без его ног им хватало своих проблем, однако поделать с собой ничего не мог. Ведь доходило до смешного. Если собеседник произносил слово с диким ударением, Петрову было неловко вроде бы демонстративно повторять его правильно, а по-другому он не мог и потому подбирал какой-нибудь нейтральный синоним, утешая себя тем, что обогащает свою устную речь. Откуда, как приходят эти неочевидные обязательства? Рождаешься с ними, а потом только выращиваешь? Или всеваешь их в себя, а уж окажется ли зерно при дороге, или придется на камень, или падет на добрую землю и даст плод в тридцать, в шестьдесят или в сто? Часто, и не знает, кстати или нет, но вспоминает Петров эпизод из своего далекого детства. Выходили они с дядей Гришей (муж маминой сестры) из магазина, и он, как положено советским детям, первым поперся в дверь. Грузин-аристократ, а они все аристократы или хотя бы князья, дядя Гриша цепко ухватил семилетнего Петрова за руку, притянул к себе и отчетливо впечатал навсегда:

Ты уже в том возрасте, когда женщин пропускают вперед.

...Но до корней своей сегодняшней нескладухи Петров пока еще так и не доколался

Марина Захарчук

Праздник, в который не иссякнут слезы

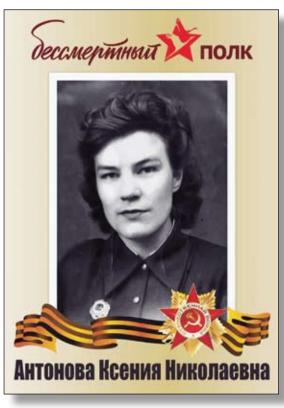
се как всегда в этот день. Голубое небо. Яркое солнце. Праздничные марши из усилителей-колонок. Парадная школьная линейка у памятника павшим воинам в центре села. Море весенних цветов.

И впервые - как никогда еще не было здесь, в нашем красивом большом селе с ласковым названием Новенькое: на этом лучшем в мире празднике впервые нет наших ветеранов. Только один – воевавший на Курской дуге, приехавший сегодня в гости. А новенцев - ни одного. Из восьмисот тридцати ушедших на фронт, из пятисот вернувшихся - лишь двое перешагнули рубеж 2014 года. Но и они не дошли до сегодняшнего Праздника. В последний год, прикованные к постели, они часто приглашали к себе священника, исповедовались, причащались. И верится,

что Господь упокоил их души в селении праведных.

Вместо них, вместо всех воинов нашего села, вместо всех наших родственников, оставшихся на полях той войны и умерших уже в мирное время, в руках детей – портреты. Их, портретов этих, намного меньше, чем школьников. Не потому, что школа у нас большая – демографический спад сказался и здесь. Просто в редких семьях сохранились старые фото. А после войны – столько было забот, что фотографироваться недосуг.

И все же есть в торжественно-скорбном фоторяду ушедших от нас солдат лица дорогих мне людей. На одном снимке – моя мама, Антонова Ксения Николаевна (единственная женщина в этой майской фотогалерее). Она прошла всю войну в зенитных войсках, потом учила русскому языку детей и взрослых в разных городах и весях нашей большой страны, а упокоилась - на сельском кладбище в Новеньком. На фото рядом – ее младший брат Аркадий. Мой дядя, которого я никогда не видела, но на которого, говорили, очень похожа; а сегодня в его лице учителя школы увидели одного из моих сыновей. Когда, вскоре после начала войны, немцы подступали к нашему родному Курску, всех гражданских отправляли в эвакуацию. Уехали моя бабушка и моя мама (вскоре она ушла добровольцем на фронт), а Аркадий, только что окончивший школу, остался. Бить фашистов. Как жил он в оккупации, удалось ли ему послужить в это время Родине – уже не узнать. В 1943 он присоединился к нашим войскам, освободившим Курск, и ушел с ними освобождать другие города. На двери дома, откуда он вышел в последний раз, осталась сделанная мелом надпись: «Прощайте, родные, дом, жизнь». За то, что был в оккупации, его отправили в штрафной батальон. Погиб, освобождая Киев.

Четверть века назад я ездила на его могилу, которую моя мама и бабушка искали долгие десятилетия, а когда нашли - матери солдата уже не было в живых, а сестра почти не выходила из дома. В фронтовой похоронке указали только название хутора - такое мирное, ласковое: Яблоньки. А район упомянуть забыли. Хутор же был стерт войной с лица земли. Осталась лишь братская могила у автобусной остановки. За могилой ухаживали школьники соседнего сельского поселения. Что с ней теперь? Цела ли? Или подверглась участи многих памятников Великой Отечественной - заброшенных, оскверненных в сегодняшней Украине? Что сталось с самой этой страной, когда в ней забыто и осквернено самое святое – день нашей Победы?

Найти могилу моего дяди помог председатель Киевского сове-

та ветеранов войны Иван Иванович Домарацкий. В 1987-м я с маленьким тогда старшим своим сыном сидела на кухне в его киевской квартире, мы пили чай с удивительно вкусным тортом, и вдруг Иван Иванович спросил: «А вы не знаете села с названием Верхопенье? Это где-то в ваших краях...».

Вот так свела нас судьба, а вернее – Господь. Мой дядя погиб под Киевом, а киевский солдат в это время горел в танке в каких-нибудь десяти километрах от нашего сегодняшнего местожительства. Название села, где шел бой, — последнее, что запомнил он, выбираясь из горящей машины.

И вот сегодня нас пытаются убедить, что мы — разные страны, разный народ. И даже Девятое мая у нас — разное. Для одних — День Победы, для других — «День памяти жертв советской оккупации». Но этих, других — меньшинство. И их власть и сила не будут вечны. Потому что сегодня наши дети и внуки держат в руках портреты своих дедов, бабушек, прадедов и прабабушек. Тех, кого нет с нами. Но жива — память, и она — вечна.

У поэта-фронтовика Сергея Орлова есть строки:

Когда это будет – не знаю.

В краю белоногих берез

Победу девятого мая

Отпразднуют люди без слез.

Поднимут старинные марши

Армейские трубы страны,

И выедет к армии маршал,

Не видевший этой войны.

Пришло это время. Но слезы на глазах в День Победы — все те же. И верится, что святые эти слезы не иссякнут. Так же, как не иссякнет наша общая память.

Умерла моя соседка Нина

ина?! Умерла??! Как??!! – хотелось крикнуть мне ее сыну, принесшему скорбную весть. Но я сдержалась: за тридцать с лишним лет в «должности» жены священника я научилась любые известия встречать спокойно. По крайней мере – внешне. Не принимает разум! Как же я, да и вся улица, будем без нее?

Ей было уже хорошо за семьдесят. И лавление зашкаливало. Когла совсем худо, придет-прихромает: «Померяй!». Да я и без меренья знаю: как в розетке – 220/127. «Нина, ну что же вы! В больницу надо. Вот таблетка, полежите пока». Какое!.. «Огород зарос, полоть надо! А у тебя, вон, штукатурка на потолке обвалилась, гляди! Ночью приду, подмажу. Ты мне только стол освободи да табуретку на него приготовь. Не удалась ростом, не достану». Отговаривать - бесполезно. Все равно придет. Влезет на пирамиду из стола и табуретки и будет непослушными, скрюченными то ли полиартритом, то ли подагрой пальцами шлепать на потолок деревенскую «штукатурку» - смесь глины, соломы и конского навоза. «Дня за два подсохнет – приду, забелю, поняла?».

Утром, когда я открываю дверь, на пороге стоит банка молока, укрытая от солнца листьями лопуха. Это — тоже Нина. С рассветом подоила корову, отогнала в стадо и принесла моим малышам парное молоко. А сама, верно, уже на огороде — окучивает картошку.

Последние лет десять Нина коровы не держала, теперь уже я завела коз и пытаюсь «отдавать долги». Но стоит занести ей банку молока или миску творога, как у меня под дверью или возле калитки тут же появляется ведро картошки или огурцов.

Дом, куда в начале зимы пустила нас хозяйка (сама она жила у сына в Подмосковье), встретил ледяным холодом и пустотой. Только голодные мыши носились по лавкам, не обращая внимания на людей. Нина появилась у нас, как только мы вошли туда. Первым делом притащила из своего двора охапку дров, растопила печь, поставила на нее таз со снегом и вымыла талой водой пол, постелила какие-то половички, связанные из полосок старого

Сколько же таких Нин на нашей земле! Ими она и держится – терпеливыми, безответными, сердечными...

тряпья, принесла два ведра воды на коромысле из очень далекой колонки, снова сбегала домой и вернулась с горячим ужином, а пока мы ели, притащила свою кошку. Та всю ночь ловила мышей и приносила их мне — похвалиться. К утру кошка была похожа на маленький бочонок, а под половичком у моей кровати топорщилась какая-то горка. Оказалось, это были мыши, не уместившиеся в кошку.

Утром снова пришла Нина, на этот раз с тремя ребятишками-погодками, и попросила посмотреть за ними: «Сбегаю проведать ихнюю мамку». Я усадила малышей за кухонный стол, дала бумагу и карандаши. Рисовать они не стали, а на мои вопросы просто молчали. Нинино «сбегаю проведать» подзатянулось. Отобедали. «Ну что, наелись или еще будете?». Молчание... Мою посуду и вижу, что они толкаются и перешептываются. И вдруг - видимо самый смелый, четырехлетний Юрчик произносит: «А Наташка каже, что Сережка каже, чтоб ты ему дала печенье!». От собственной смелости Юрчик даже зажмурился. На столе опять появляются печенье, конфеты, компот, и вот уже все трое наперебой рассказывают, что мамка работает «на доярне», а «мамкина мамка» живет «в Богатой» и мамка каждый день бегает к ней между дойками (благо, в начале зимы коровы доятся меньше и реже). А Богатое, между прочим, — это соседнее село, километрах в семи. Автобус туда не ходит, так что Нине приходится бегать в прямом смысле слова. Она и бегала — до самой смерти матери. А по ночам обихаживала свое хозяйство да к соседям заглядывала, ища тех, кто нуждался в помощи.

Сначала казалось, что Нина, видя мою городскую беспомощность в деревенском быту, все свободное время отдает только нам. Но потом убедилась, что Нинины руки нужны в каждом доме. Заболел кто-то – она с травами, настойками; родился ребенок – она на соседском огороде (не пропадать же урожаю, пока хозяйка в роддоме). А уж одинокие старики и вовсе на ее попечении. К покойникам соседи тоже первой звали Нину. Знали: не побрезгует, обмоет, оденет, снарядит в последний путь.

Жила у нас на улице бабка Харитониха. Злющая-презлющая. Уж на что грубы деревенские нравы, но от нее отвернулись все соседи. Начнут, бывало, обсуждать очередную выходку, а потом махнут рукой: «Ну, Харитониха — что возьмешь!». У бабки была клептомания — чуть не каждый день соседи находили у нее на дворе свои тяпки, топоры, прищепки, детские игрушки...

Затеют дети игру на улице – она на них с палкой: «Ах вы, нечистики!». А если к ее двору подходила чужая курица или индюшка - убивала сразу, тою же палкой, метнув ее как при игре в городки. Поговаривали, что родную сестру, а затем и мужа уморила голодом, чтоб не лежали, больные, долго, не мешали жить. Но пришло время - и сама Харитониха слегла. И целый год за ней ухаживала соседка Нина – носила еду, убирала, стирала... Схоронила и отслужила в храме все положенные панихиды. Мне очень не хотелось петь на них «Со святыми упокой». «Да ты пойми, это ж... Харитониха», - говорила мне Нина. Но звучало в этой привычной фразе не осуждение, а жалость: мол, такая вот она, вроде инвалида, только не телом, а душой.

Откуда-то взялась в селе безродная старушка. Ладно бы просто безродная, так нет, сын у нее. Названия города, где жила прежде, бабуля то ли не помнила, то ли не хотела сказать. По ее словам выходило, что сын привез ее сначала на поезде в Белгород. потом на автобусе в деревню, оставил на остановке и уехал. Увидела баба Мария храм и пошла к нему. Как раз служба закончилась. Народ обступил ее, расспрашивают, охают. А Нина взяла за руку и повела к себе. Так и осталась Мария жить у Нины. Памяти у нее не было, а так – крепенькая еще, без палочки, в отличие от Нины, ходила. Нина – только к «Херувимской», а то и к «Милости мира» приползает, ноги-то совсем не идут, а до храма километр в горку, а Мария на службе в храме с утра. И тут вдруг ее сын приезжает. Оказывается, старушка бывшая узница детского фашистского концлагеря, ей какая-то компенсация от немецкого правительства положена. Сынок еще и отчитал Нину, что до сих пор бумаги не оформили. И пенсию за те месяцы, что жила Мария у Нины, стребовал. Нина и рада б отдать, да не видела она денег, Мария их получала и куда-то прятала. А потом Нина делала в своей хате какой-то ремонт и нашла деньги: перепрятала их Мария и забыла. Вскоре сын снова привез свою мать на автобусную остановку. Снова пришла Мария в храм. Оказалось, компенсацию от немцев получить не удалось - поздно обратились, вот и снова стала не нужна мать сыну.

Так и шла-катилась Нинина жизнь. С «доярни» пришлось уйти – распухли суставы на руках (коров-то в ту пору доили вручную). Потом была «свинарня», и там оборвалась какая-то механическая линия и на Нину упало чтото очень тяжелое, разбило коленные суставы, досталось и позвоночнику, долго лежала в больнице, но выжила, а работать уже не могла. Ну а дальше – известно. Жила, отдавая себя другим, ничуть об этом не задумываясь: просто по-другому не умела.

К старости болячек, ясное дело, только прибыло, а забот-хлопот не убавилось. Мужа схоронила, сын женился, дочь замуж вышла, внуки пошли. Все лето под крылом у бабушки, и на огород с ней, и в храм. Отстоят обедню, причастятся и убегут. А Нина сидит на скамеечке, ждет. «Отвези меня, батюшка, домой, не дойду. Буду ждать, пока все дела закончишь». Ну как не отвезти отвезем, конечно. И утром бы привозили к службе, да не успевает Нина «упораться» по хозяйству, ноги-то не бегают, как прежде, - ковыляют, руки не хватают – цепляют... Только глаза смеются по-прежнему и темно-русые волосы почти не тронуты сединой.

Умерла она внезапно. Инсульт. Лежачих больных соседей досматривала, дохаживала, а сама никого не обременила, умерла на ходу. Только и успели до больницы довезти.

Как тихо стало на улице. Нет там веселой Нининой малышни. И ко мне в дверь поздно вечером никто не стучит, хоть потолок на кухне снова обвалился. А из двух моих коз одна почему-то этой осенью не отгулялась, значит, и молока от нее не будет. Ну и ладно, кому мне теперь молоко носить? Баба Мария перебралась в соседнее село, там есть дом престарелых. Я часто записываю Нину на панихиды в нашем храме. После того как батюшка поминает ее имя, «Со святыми упокой» петь так легко! Только почему-то набегают слезы...

В день Ангела

амые светлые чувства и воспоминания от пребывания в Перми – этом городе на границе европейской и азиатской частей нашей страны - связаны с его людьми. Где, скажите, вокзальный таксист, разговорившись с вами по дороге и узнав о вашей беде - тяжелой сердечной болезни сына, возьмет и сбросит половину названной им при посадке суммы, а то и вовсе выключит счетчик со словами: «Что-то быстро он крутится, механик неверно настроил... неважно! сколько дадите». В какой больнице к вам, измученной ожиданием исхода многочасовой операции ребенка, придет усталый хирург, чтобы подробно рассказать о ходе операции, но вслед за ним придет

еще и реаниматолог: «Скоро ребенок очнется от наркоза, и вы, если хотите, можете сходить к нему в реанимацию». Даже сейчас, когда я пишу это спустя несколько месяцев, на глаза наплывают слезы — слезы безмерной благодарности к людям, для которых многолетняя работа не стала привычной, не отучила бережно относиться не только к больным детям, но и к их матерям, отцам, бабушкам, неотлучно находящимся в палатах с детьми всех возрастов — от новорожденной крохи до 18-летнего юноши.

Порой бывает, что врачи делают все возможное, а маленький человек остается на границе между жизнью и смертью. И только молитва матери и ее руки не дают малышу уйти. Я

видела их — матерей новорожденных (и тут же прооперированных!) детей: эти мамы тихо появлялись в отделении по утрам, облачались в стерильный костюм и тихо исчезали за дверями просторной, в полкоридора, палаты интенсивной терапии. Я видела их, светившихся счастьем, не выпускающих из рук свою кроху, когда после многих дней, а то и недель, малыша переводили из реанимационной в обычную палату.

...И вот мы с сыном снова в больничных коридорах. Когда прошли первые, самые тяжелые, послеоперационные дни, я обратила внимание на молодую женщину, которая появлялась по утрам у дверей реанимационной палаты, но не заходила, как

другие мамы, внутрь, а дожидалась врача, разговаривала с ним - и уходила. До вечера. Днем гуляла где-то в городе, а к ужину возвращалась и ночевала в отделении. Последнее было вполне естественно: иногородняя, не в гостиницу же ее отправлять, все приезжие, пока их дети лежат в реанимации, все равно находятся в отделении. Неестественным было другое: всегда улыбающееся, броско подкрашенное лицо этой мамочки. Даже в этих записках мне не хочется называть ни ее настоящего имени, ни города, откуда июньской ночью примчал ее в Пермь специальный авиаборт МЧС России. Ведь в этом городе живут ее родные, друзья, знакомые, старшая дочь, а у нее самой еще, как говорится, вся жизнь впереди. Пусть она будет... ну, хоть Анжелой. А маленького человека, опутанного трубками приборов в огромной реанимации, звали Федором. Это его настоящее имя. И переводится оно как Божий дар.

Врачи, наблюдавшие Анжелу в ее родном городе, знали, что у еще не родившегося малыша редкий и очень тяжелый порок сердца. Который нужно - и можно! - исправить тотчас после рождения. Но для этого необходимо очень хорошее медицинское оборудование, а его-то как раз и не было. Доктора настаивали: рожать нужно там, где есть крупный кардиохирургический центр. Анжела соглашалась, но все тянула с отъездом. И малыш родился дома. Недоношенным. Вот тогда-то в отчаянной попытке спасти новорожденного врачи сумели выхлопотать спецборт МЧС. А пока шли согласования, прикрепленный к роддому священник окрестил младенца и записал Анжеле свой телефон. Самолет приземлился в Перми в два часа ночи. В кардиоцентре малыша уже ждала операционная и бригада лучших кардиохирургов. Операция прошла успешно. Дальше все зависело от малыша и его мамы. Утром Федора принесли в отделение и передали реаниматологам. Теперь его жизнь была в руках врачей, мамы и Бога. Но мама, облегченно вздохнув, первым делом достала из чемодана... утюг. И несколько косметичек. Отгладила лучшее из привезенных с собой платьев, наложила яркий макияж, поза-

втракала и отправилась знакомиться с докторами и обитателями палат. Но доктора оказались неинтересными: предложили Анжеле сменить прикид и навестить сына в реанимации. Мамы же были заняты своими ребятишками и почему-то сторонились Анжелы, а одна так прямо отчитала ее за неуместный внешний вид. И тогда та отправилась знакомиться с городом. В первый же день нашла себе друзей, которые не только с сочувствием выслушали ее историю, но и согласились устроить ей временную прописку, чтобы Анжела как можно скорее смогла получить положенные ей от государства деньги за рождение второго ребенка. (Все-таки пермяки - удивительные люди! - говорю это с искренним восхищением).

И побежали дни. Анжела отсыпалась, изредка смотрела телевизор, часами болтала по телефону, а после обеда отправлялась к новым друзьям. Вернувшись к отбою, радовалась ужину, заботливо оставленному санитаркой на тумбочке в ее отдельной палате (поселили Анжелу в «выписной»), а перед сном шла к дежурному врачу, чтобы узнать, как прожил очередной день ее Федечка.

Он жил. Изо всех сил цеплялся за жизнь. Но все чаще врачам приходилось подключать аппарат искусственной вентиляции легких: у малыша не было сил дышать самостоятельно. Анжела была недовольна и даже грозилась написать на врачей жалобу.

Однажды она вернулась после прогулки по городу с тяжелыми сумками и разложила в своей палате угощение: два огромных арбуза, соки, мороженое, конфеты. «Сегодня моему Федечке ровно месяц!» – объявила всем и пригласила на пир. Но... никто не пришел.

А ночью многие из нас не спали из-за беготни и хлопанья дверей в коридоре. Крепко спала одна Анжела. И даже утром ее не стали будить. Хотя все уже знали: ночью Господь забрал к Себе маленького Федора, который оказался ненужным собственной маме. Узнав об этом последней, Анжела смахнула слезу, пригрозила в очередной раз жалобой и... снова отправилась на свою ежедневную прогулку по городу.

Вернувшись вечером, вспомнила вдруг о телефоне священника, окрестившего малыша в роддоме, и решила позвонить. Выслушав сообщение Анжелы, батюшка не стал задавать ненужных вопросов, лишь произнес: «А ведь у него сегодня день Ангела». На этих словах связь с далеким родным городом Анжелы прервалась. «Что он сказал? Что это значит?» - тормошила она меня, а я стояла пораженная: как же милостив наш Господь! Он дал жизнь этой крохе, дал шанс на спасение (я почти уверена, что этот шанс был велик, если бы Анжела им воспользовалась). Он не попустил в экстремальной ситуации остаться младенцу некрещеным. А когда стало очевидно, что больной ребенок не нужен матери, отдал его душу в крепкие и надежные руки того же святого, который воспринял ее от крещенской купели, - святого великомученика Феодора Стратилата.

- Что это значит? Что мне делать? тормошила меня Анжела.
- Это значит, что он теперь с Богом и со своим небесным покровителем. Нужно отслужить церковное погребение. Теперь твой малыш будет молиться о тебе.
- Да-а-а? лицо Анжелы просияло. Я, пожалуй, похороню его здесь.
 Будет повод приезжать в Пермь!

Она договорилась о погребении в одном из пермских храмов. К этому времени мы с сыном уже были дома. Анжела позвонила мне, голос ее, как всегда, звучал уверенно и бодро: все прошло хорошо, денег за погребение с нее не взяли, одно только огорчило: Анжела снимала весь, как она сказала, обряд на телефон, а после службы священник настоятельно посоветовал фотографии удалить. «Разве он прав? — возмущалась Анжела. — Ведь теперь у меня нет ни одной фотографии сына! А батюшка сказал: "Они вам не нужны"».

Прощаясь, Анжела звала нас в гости в свой чудесный приморский город, обещала звонить и писать. Конечно, не звонит и не пишет. Память стирает многие детали и события. Но не забыть мне блаженного младенца Феодора и его безответственную мать. И так хочется верить, что Господь вразумит и наставит ее на путь покаяния, а значит – спасения.

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

Узнать о свежем номере и познакомиться с архивом журнала можно

на нашем сайте lampada-press.ru

Одобрено Синодальным информационным отделом Московского Патриархата (Свидетельство № 228 от 10 декабря 2012 г.)

Напоминаем тем, кто предпочитает гарантированно получать «Лампаду» домой, а не покупать ее в церковной лавке: подписаться на журнал можно с любого месяца, но только через редакцию.

Схема прежняя: деньги на телефон 8 (963) 962-5575 и НЕПРЕМЕННО С

8 (963) 962-5575 и НЕПРЕМЕННО СМС с фамилией и подробным адресом подписчика.

Подписка проводится на добровольные пожертвования, то есть цена не фиксированная.

ПРИЧИНА: журнал приносит убытки (около 100 рублей на каждом экземпляре). Поднимать цену не хотим. Заплатите, сколько сможете. Благодарим.

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском парке

Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане св. мц. Татианы при МГУ

Воскресения Словущего на Успенском Вражке

Воскресения Христова в Сокольниках

Всех Святых Алексеевского женского монастыря; на подворье Патриарха Московского и всея Руси при храме прп. Алексия, человека Божия

Иверской иконы Божией Матери на Всполье

иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими воротами

Новоспасский ставропигиальный мужской мона стырь

прп. Алексия, человека Божия, б. Ново-Алексеевского монастыря

Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском

Троицы Живоначальной в Хорошеве

Троицы Живоначальной в Хохлах

Троицы Живоначальной в Орехове-Борисове

Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове

Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище

Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово

Сретенский ставропигиальный мужской монастырь

Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском

Успения Пресвятой Богородицы на Успенском

Вражко

царевича Димитрия при Голицынской больнице

Троицы Живоначальной в Останкине

свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной

апостола Иоанна Богослова в Бронной слободе

свт. Климента, папы Римского

Успения Божией Матери в Казачьей слободе

Книжный магазин «Книжница» Дома русского

зарубежья

Новомучеников и исповедников Российских в Строгине

Всех святых во Всехсвятском

Всемилостивого Спаса в Митине. Патриаршее

подворье

Рождества Христова в селе Рождествено (Митино)

Преображения Господня в Тушине

Иконы Божией Матери «Знамение» в Аксиньине

Прп. Сергия Радонежского в Бусинове

Троицы Живоначальной при бывшей Черкасской

богадельне, патриаршее подворье

прп. Алексия, человека Божия в Крылатском

Богоявленский кафедральный собор в Елохове

Казанской иконы Божией Матери в Коломенском

Свято-Данилов ставропигиальный мужской мона-

Донской ставропигиальный мужской монастырь Воздвижения Креста Господня в Алтуфьеве

св. ап. Иоанна Богослова «под Вязом»

Воскресения Христова в Када-

or precime

свт. Иннокентия, митр.

Московского в Бескудникове прп. Сергия Радонежского

в Крапивниках

